

ВИРЖИНИ ГРИМАЛЬДИ

ВРЕМЯ ВНОВЬ
ЗАЖИГАТЬ

звезды

Виржини Гримальди

Время вновь зажигать звезды

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48940644
Время вновь зажигать звезды: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-105169-3

Аннотация

Виржини Гримальди с присущей ей чуткостью и душевным теплом рассказывает историю трех женщин. Историю о том, какой бы страшной беда ни была, выход есть всегда. И очень важно не забывать об этом.

Анне тридцать семь. Работая с утра до ночи, она пытается свести концы с концами и поднять двух дочерей. На личном счастье она давно поставила крест.

Хлое семнадцать. Когда-то прилежная ученица с большой мечтой, она забросила лицей, решив отказаться от планов на будущее и работать, чтобы хоть как-то помочь маме.

Лили двенадцать. Она избегает людей. Самой веселой компании она предпочитает общество ручной крысы, которой дала имя отца. Ведь он, подобно этим животным, «первым сбежал с корабля».

Запутавшись в клубке жизненных невзгод, Анна принимает отчаянное, но, пожалуй, самое верное решение в жизни – в

автодоме они с девочками совершат путешествие в Скандинавию, чтобы укрепить семейные узы и увидеть северное сияние.

Содержание

Анна	8
Хроники Хлои	13
Лили	16
Анна	20
Хроники Хлои	26
Лили	29
Анна	33
Анна	40
Хроники Хлои	43
Лили	47
Анна	50
Хроники Хлои	55
Лили	58
Анна	59
Лили	64
Анна	67
Хроники Хлои	70
Анна	73
Лили	75
Хроники Хлои	79
Анна	83
Лили	88
Хроники Хлои	92

Анна	96
Лили	100
Хроники Хлои	104
Анна	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Виржини Гримальди

Время вновь

зажигать звезды

Virginie Grimaldi IL EST GRAND TEMPS DE
RALLUMER LES ETOILES

Copyright © LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2018

Illustration © Johannes Wiebel | punchdesign, using images
from shutterstock.com

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2020

* * *

Моей маме

*Когда я погружался в ее глаза, мне становилось
так хорошо, что отныне я нигде не мог найти себе
места.*

Ромен Гари. «Обещание на рассвете»

*Сыновья еще живых матерей, никогда не
забывайте о том, что они смертны. Я не впустию
потрачу слова, если хоть один из вас, прочтя*

мою скорбную песнь, станет относиться к матери нежнее. Любите ваших матерей больше, чем свою любил я. Старайтесь ежедневно доставлять им немного радости. Говорю вам это с правом человека сожалеющего, из невозвратных глубин моего горя.
Альбер Козн. «Книга моей матери»

Анна

– Анна, загляни ко мне, когда все закончишь! Мне нужно кое-что тебе сказать.

Быстро повязав фартук, я решила сначала обойти зал до прихода первых посетителей. Я уже догадывалась, что мне сообщит Тони: вчера я случайно подслушала разговор. Значит, время пришло.

Вот уже три месяца, как наша «Белая харчевня» возглавляла рейтинг лучших ресторанов Тулузы. Если мы и раньше не страдали от отсутствия клиентов, то теперь здесь яблоку негде было упасть. Не успевала я убрать стол, как за него уже кто-то усаживался. А ведь я одна работала за все про все, иногда, правда, мне помогал Тони, если ему было нечем заняться.

В прошлый понедельник, когда я подавала крем-брюле на шестой столик, мне внезапно стало плохо: пропал слух, в глазах помутилось, и ноги стали ватными. Десерт приземлился на голову клиента, а я очутилась в кабинете шефа.

Начал он как обычно с крика, но я к нему давно привыкла: это означало, что он сильно обеспокоен. Однажды он мне признался, что у него транспозиция внутренних органов – сердце находится справа, а печень – слева. Наверняка это сказалось на его манере общения.

– Что это тебя разобрало, Анна?

– Мне стало нехорошо, вот и случилось то, что случилось.

– Да, но почему ты такое сделала?

– Ну, чтобы немного повеселить публику, ей-богу, что за вопрос? Уж слишком было кругом тихо, верно?

Он сбавил градусы, тяжело вздохнув, а затем проговорил примирительно:

– Ну а сейчас ты как? В порядке?

– Лучше, могу снова приступить к работе.

– Ладно уж, ступай, я сегодня тебя подменю, но завтра чтоб явилась, идет?

– Я хоть когда-нибудь прогуливала?

Он улыбнулся. И я этим воспользовалась.

– Я очень устала, Тони. Мне скоро стукнет сорок, и я не выдерживаю такого темпа. Было бы здорово, если бы ты ко-го-нибудь нанял мне в помощь.

– Да знаю, знаю, ты уже говорила. Ладно, подумаю, что можно сделать.

Он взял телефон и позвонил Эстель, своей любовнице, поведав ей, что в данный момент предпочел бы оказаться в ее трусиках. Я поняла, что наш разговор окончен.

Мой сосед Пол давно говорит, что мне пора сменить работу. Пол теперь работает в бывшей папиной табачной лавке и, похоже, думает, что рабочие места приносят аисты, которым пришлось переориентироваться с тех пор, как рынок младенцев захватили капуста и розы.

Однако истина состоит в том, что у меня практически нет никаких навыков, хотя я и окончила курсы BTS ¹ по специальности «бухгалтерский учет и управление». В последний день экзаменов я узнала, что беременна. Матиас неплохо зарабатывал, и мы решили, что я буду заниматься Хлоей. Через три года, когда дочке пришло время поступать в детский сад, я отправила резюме на десятки вакансий в сфере бухгалтерского учета и администрирования. И только однажды меня пригласили на собеседование, во время которого выяснилось, что я представляю собой скопище недостатков: опыта у меня нет, я позволила себе целых три года проваландаться с ребенком после окончания учебы, да к тому же на вопрос: «Есть ли у вас кто-нибудь, чтобы побыть с ребенком в случае экстренной рабочей необходимости?» – я твердо ответила «нет». Куда уж мне было соперничать с многочисленными боевитыми и супердипломированными кандидатами, которые к тому же не имели жизненных приоритетов в собственной утробе!

Так что мне ничего не оставалось, как принять предложение Тони, приятеля Матиаса, державшего свой ресторан. Первые семь лет я работала до обеда, что позволяло мне проводить достаточно времени с дочерьми. Но потом пришлось добавить к этому и вечернюю смену.

¹ Имеются в виду курсы *BTS (brevet de technicien supérieur)*, примерно соответствующие российскому колледжу и дающие среднее специальное образование; обучение (обычно в лицее) продолжается два года и имеет практическую направленность.

Однажды, когда я уже опускала жалюзи, Тони окликнул меня из своего кабинета. Я вошла и села напротив шефа.

– Ты ведь знаешь, как я тебя люблю, Анна.

Нарушенная система общения. Неважное начало.

– Сколько ты уже здесь работаешь, лет десять?

– Четырнадцать.

– Четырнадцать, как быстро бежит время... Я еще помню собеседование с тобой, ты была такая...

– Давай ближе к делу, Тони.

Он помассировал виски кончиками пальцев и тяжело вздохнул.

– Эстель потеряла работу, и я хотел бы ее взять.

– Класс! А я-то уже приготовилась к плохим новостям! Уж не знаю, самая ли лучшая это идея по отношению к твоей жене, но, в конце концов, проблема твоя. И когда она приступает?

Он опустил голову.

– Мне придется взять ее *на твое место*, Анна.

Потребовалось несколько секунд, чтобы информация достигла моего серого вещества.

– Что значит – *на твое место*? Ты не сможешь этого сделать!

– Я знаю, что у меня нет причин увольнять тебя, хотя, впрочем, когда хочешь поискать, то всегда можно что-нибудь найти. Но я не стану этого делать, потому что ты такого не заслуживаешь. У меня есть для тебя предложение: мы

расстанемся друзьями, по обоюдному согласию, и я дам тебе небольшой конверт в знак благодарности.

Не знаю, сколько времени я просидела неподвижно, не зная, как на все это реагировать. Но достаточно, чтобы передумать о многом – неоплаченных счетах, например, о том, чем я уже не смогу пользоваться, – достаточно, чтобы представить абсолютно пустой холодильник. Вполне достаточно, чтобы услышать звонки судебных исполнителей, возобновившиеся с удвоенной силой, представить выражение лиц моих дочек, когда я им сообщу, что их мать – безработная.

– Ну, что скажешь?

Я отпихнула задом стул и поднялась.

– Да пошел ты... Тони!

Хроники Хлои

Прежде всего хочу поблагодарить вас за все ваши комментарии. Год назад, когда я открыла свой блог, я и не думала, что так много людей заинтересуются мыслями семнадцатилетнего подростка, который часто чувствует себя не в своей тарелке. Благодарю².

Хлоя

Я поправила шапочку и глянула в зеркало. Отлично. За надежным укрытием тонального крема и помады я была, пожалуй, готова встретить новый день.

Мигом слетев по ступенькам с четвертого этажа, я на ходу заткнула уши наушниками. Внизу дверь все еще была сломана, и по лестнице тянуло холодным ветром. Если бы еще он додумался уничтожить этот неистребимый запах мочи!

Лили уже стояла на автобусной остановке. Она помахала мне, но я сделала вид, что не заметила, и продолжила путь. Нет, сегодняшним утром я снова не поеду вместе с ней.

Да и дался мне этот лицей. Мое будущее – все как на ладони. Через три месяца я окончу его с отличием и запишусь на филологический факультет универа. Но и шагу туда не сделаю.

² Смайлик, показывающий настроение блогера: «сердечко», «мордочка кота» или «поцелуй».

Учеба в худшем случае требует оплаты, но и в лучшем она тебе ничего не платит.

Вчера утром мама снова получила заказное письмо. Она спрятала его в шкафу, под брюками, как и все предыдущие, но я не дура. Помимо работы в ресторане она еще и гладит для соседей прямо на дому. Я не могу продолжать висеть на ее шее. Со следующего года я тоже начну работать.

Пока я шла через весь город, улицы постепенно оживали, пробуждаясь. Утром всегда ощущаешь запах надежды. А вдруг это именно тот день, когда все в твоей жизни изменится? Неожиданная встреча. Блестящая идея. Внезапное решение. Отъезд.

Каждое утро я мысленным карандашом записываю в голове собственные мечты. И каждый вечер стираю их мысленным ластиком.

Всех знакомых, кого я встречала по пути, я радостно приветствовала, махая им рукой. Ведь мы живем здесь уже целых пять лет, и поэтому я знаю многих. Например, Лейлу, отводившую в школу младших – Ассию и Элиаса. Госпожу Лопе, попивавшую кофе у своего окна. Ахмеда, парковавшего машину, Марсея, выгуливавшего своих двух чихуа-хуа. Нину, бежавшую, чтобы не пропустить автобус. Джордана, который никак не мог стронуть с места скутер. И наконец, Людмилу, которая изнывала в одиночестве перед входом в здание Д.

– А я тебя уже жду, – сказала она мне, открывая дверь.

Людмила живет на восьмом этаже в квартире-студии. Я у нее впервые. Она жестом показала, чтобы я села на раскладной диванчик.

– Алик сказал, что тебе можно доверять, – бросила она, доставая пакетик из-под низенького столика. Так что, ты подтверждаешь?

– Да, мне можно доверять.

– У кого ты обычно покупаешь?

– Я еще ни разу не покупала, это впервые. Меня раньше приятели угощали.

– О'кей. Дай посмотрю на кольцо.

Я протянула ей золотое кольцо, она осмотрела его так, будто что-то в этом понимала.

– Стоит десятку, согласна?

Я уверенно кивнула, скрывая этим, что не знала, что значит «десятка». Она показала мне маленький коричневый кубик, завернула его в кусочек фольги и сунула мне в руку.

– Если спросят, скажешь, что тебе продал Джо.

Я спрятала пакетик в рюкзак между тетрадками и учебниками, а затем направилась к двери. Я уже собиралась ее закрыть за собой, когда Людмила окликнула меня:

– Скажи, не та ли ты телка, что выиграла в прошлом году конкурс на лучшее сочинение?

Я сделала вид, что не расслышала, и вышла за дверь.

Лили

3 марта

Дорогой Марсель!

В субботу на мое двенадцатилетие крестная подарила мне дневник, то есть тебя. В общем-то, она добрая, несмотря на ее крысиные зубки, однако в данном случае она явно переборщила. Никогда я не видела пользы в таких дневниках, честно сказать, к тому же у меня и без того полно уроков. Ну и дневничок она подобрала – в розовой обложке с маленькими сердечками! Не хватало только страزيков для полного блеска.

Я совершенно не собиралась тебя использовать и даже оставила в кухне, надеясь, что кто-нибудь, Хлоя или мама, выбросит его вместе с остальными ненужными проспектами в помойку, но в тот самый момент произошло нечто такое, чем я обязательно должна с кем-нибудь поделиться, а я никому не могу это рассказать.

Так что я выкрасила твою обложку красным маркером, приделала замочек (согласись, лучше сразу принять меры предосторожности, не откладывая в долгий ящик) да к тому же нашла идеальное потайное местечко, но я не стану о нем

писать. (Хлоя, если ты сейчас это читаешь, прекрати немедленно, а не то скажу маме, что ты таскаешь ее лифчики.)

Итак, я назвала тебя Марселем, очень надеюсь, что имя тебе понравилось. Это потому, что ты такой же красный, как Марсель Муссон со второго этажа, вернее, его лысина.

Пока не знаю, буду ли я что-то в тебя записывать, не исключено, что все получится как с лосьоном от прыщей: два вечера из трех я забываю о нем, но я все же постараюсь.

Так вот что я хочу тебе рассказать.

Сегодня утром, когда я ехала в автобусе, у меня все еще болел живот. Из-за этого я даже с трудом закончила завтрак, странно это, но я подумала, что все на нервной почве, из-за контрольной по английскому, беда у меня с неправильными глаголами. Правда, и после контрольной живот болеть не перестал. Тогда я подумала, что это из-за вчерашнего ужина. Мы с Хлоей подогрели себе какую-то гадость, что мама принесла из своего ресторана, уж поверь, если я говорю «гадость», значит, так оно и есть.

На уроке физкультуры мы сегодня играли в баскетбол. Минут десять, не меньше, я кричала Тео, чтобы он передал мне мяч, и подумай только, он сообразил это сделать, когда я как раз поправляла волосы, так что удар пришелся прямо на мой нос, из которого тут же закапала кровь, так что препод вывел меня с площадки.

Стоя на краю поля с заткнутыми туалетной бумагой ноздрями (ваты не оказалось), с запрокинутой назад головой, я

вдруг услышала смешки позади себя. Это были ребята из 4С, сидевшие на трибуне и не сводившие с меня глаз. Маленький чернявый мальчишка с носом-рубильником поинтересовался, не попал ли мне мяч в задницу. Со смехом я ответила, что нет, только в нос. Они громко заржали, показывая на мой зад, и тогда я все поняла. Этим и объяснялась боль в животе, мама много раз рассказывала мне про месячные. И надо же такому случиться, что в тот день я как раз была в белых шортах!

Я попятилась к выходу, по стенке прошла вдоль изгороди и кое-как добралась до раздевалки. Ну и кровящи же из меня вышло, я и понятия не имела, что ее столько будет, короче, мои трусики напоминали главную улику преступления. Я постаралась отчистить их немного, как уж получилось, затем взяла несколько листов бумаги и подложила внутрь. Но сразу же поняла, что этого будет недостаточно, тогда я взяла весь рулон, придала ему плоскую форму и засунула туда целиком.

Так я весь день и проходила враскоряку, обернув вокруг талии пальто, к счастью, вроде бы никто ничего не заметил. Надо будет попросить маму купить прокладки.

Целую тебя, Марсель.

Лили

P.S.: Это я на всякий случай тебя целую, если вдруг окажется, что дело вовсе не в месячных, а в кровотечении из позвоночника из-за удара в голову, так что, возможно, зав-

тра я уже умру.

Анна

Все наши завтраки проходят одинаково: я начинаю с просьбы выключить телевизор, потом пробую завести общий разговор, который всегда переходит в молчание. В конечном итоге я пытаюсь убедить себя, что, уставившись все вместе на экран, мы смотрим в одном направлении, а это не так уж плохо.

Лили, увлеченная мультфильмом, наливала молоко в тарелку:

– Мама, не могла бы ты в следующий раз купить нормальные хлопья?

– Сделай потише, пожалуйста. А эти чем не хороши?

На секунду она оторвала глаза от экрана и подняла на меня два своих зеленых кругляша:

– Знаешь, это плохая марка, хлопья у них – сплошная резина, нужно брать те, что ставят в магазине на среднюю полку, а не вниз, там всегда один отстой.

Не успела я ей ответить, как в проеме двери показалась голова Хлои, донеслось ее небрежное «пока-пока!» и голова тут же исчезла. Я успела ее догнать на лестнице.

– Хлоя, не присядешь с нами на пару минут?

Она оглянулась, испустив долгий вздох. Так и есть, дочь снова использовала тональный крем-аэрограф.

– Я не голодна.

– Само собой, как и каждое утро. Но ведь ты можешь иногда просто провести с нами время, не так ли? Это единственный момент, когда мы можем побыть все вместе.

– И кто, по-твоему, в этом виноват? – испепелила она меня взглядом, прежде чем броситься вниз по ступенькам.

Я все еще стояла на лестничной площадке, когда зазвонил домофон. Отвечать я не стала: я никого не ждала, девяносто процентов из ста, что кто-то опять попытается мне всучить жалюзи или подготовить меня к встрече с Иеговой.

Двумя минутами позже в дверь постучали. Осторожно, на цыпочках, я подошла и заглянула в глазок. С той стороны оказался мужчина, со столь же многообещающе приятным видом, как колоноскопия. Я догадывалась, что за этим последует, но выхода не оставалось. Пришлось открыть дверь.

– Госпожа Мулино? Доброе утро, мое имя – господин Ренар, коллектор, можно войти?

Вопрос был риторическим, коллектор уже находился в моей квартире без всяких там вопросительных знаков. Он заглянул в свою папку и достал оттуда листок. Я прикрыла дверь в гостиную, чтобы нас не услышала Лили.

– Рад вас видеть. Полагаю, до вас не доходили мои многочисленные послания?

– Нет, я их получила. Простите, но я...

– В таком случае вы знаете, почему я здесь, – отрезал он. – Мне придется лично вручать вам этот документ, обязывающий вас срочно оплатить задолженность в 5 225 евро кре-

дитной организации «Цефитис».

Я взяла протянутые мне ручку и долговую квитанцию, бегло просмотрела ее и, прислонив листок к стене, поставила внизу подпись.

– Можно задать вопрос, господин Ренар? – спросила я, возвращая документ.

– Пожалуйста.

– Как вы полагаете, если я не смогла внести столько ежемесячных платежей, каким образом мне удастся собрать сразу пять тысяч двести двадцать пять евро?

Пожав плечами, он изобразил сострадательную улыбку.

– Простите, поначалу кредиторы проявили терпение, но, признайте, вы же не выполняете своих обязательств!

– Обещаю сделать все, что в моих силах. Я буду вносить по сто десять евро в месяц для погашения кредита, как это и делала всегда, за исключением трех раз, и то только потому, что не смогла. Да поймите вы, я действительно не смогла. Какое право они имеют требовать теперь от меня выплаты всей суммы целиком?

– Имеют. «Цефитис» предложил вам график выплат, чтобы наверстать упущенное, и вы следовали ему, но только поначалу. Я как раз и собирался вам предложить новую сделку, но... вы мне не ответили. К сожалению, сейчас уже слишком поздно что-то предпринимать.

Мне так хотелось протестовать, умолять, поклясться, что я – честный человек и пыталась изо всех сил уложиться

в этот чертов график, но как можно было объяснить и коллектору, и кредиторам, что все, заработанное мной, тут же уходит на латание всевозможных дыр, и если порой мне удастся вынырнуть на секунду из бесконечных волн моих долгов, то только на секунду, а уже в следующую я опять глотаю воду, накрытая новой волной, хочу я этого или нет. То карданный вал машины ломается, то стиралка выходит из строя, то нужно оплачивать школьную поездку Лили, то Хлое требуется купить бóльший размер лифчика. И если кто-то любит сюрпризы, то лично я предпочитаю никогда их не знать. У меня возникло безумное желание сказать этому человеку, что деньги я трачу не на себя, чтобы пожариться недельку-другую на солнышке где-нибудь на курорте, и уж точно не на драгоценности.

И если бы я не была настолько загнана в угол, то никогда не взяла бы кредит под чудовищные проценты. Мне захотелось разом выложить все это ему, но единственное, на что я оказалась способна, – это испустить жалобный вздох и разразиться рыданиями.

Представителю коллекторского агентства стало неудобно, а мне – еще хуже, оттого что я вынудила его испытывать неловкость. Пока я пыталась овладеть собой, он закашлялся, протянул было руку, чтобы тронуть меня за плечо, но, видимо сообразив, что он мне не друг и не знакомый, отдернул ее и стал рассеянно перебирать документы в папке.

– Извините, если я вас так расстроил, – только и сказал он.

– А если я не смогу заплатить, что произойдет?

Он вздохнул.

– Мы будем вынуждены обратиться в суд, чтобы добиться погашения долга всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Положитесь на мой опыт, именно так и бывает.

– Конфискация имущества?

– Возможно.

– Ну, так вот оно – решение! Моей машине скоро стукнет двадцать, окна в ней не открываются, и третья скорость не работает, есть прекрасная возможность получить за нее тридцать евро, значит, останется пять тысяч сто девяносто пять, всего-то. Или я могу подселить кого-нибудь в мою четырехкомнатную квартиру в доме экономкласса, к тому же с очень оригинальным лифтом, это также позволит мне выручить...

Не успела я закончить фразу, как дверь в гостиную открылась и показалась Лили с ободком молока вокруг губ. Увидев мои слезы, она насупилась.

– Что с тобой, мама?

– Да так, ничего, – ответила я, вытирая слезы ладонью.

Дочка подбородком указала на коллектора. Несомненно, она подслушивала.

– А плачешь почему? Это из-за господина Вброна?³

³ Фамилия коллектора *Renard* означает «лиса», фамилия *Corbeau* – «ворон». Девочка, произнося одну фамилию вместо другой, намекает на басню «Ворона и Лисица».

– Господина Ренара, – поправил тот девочку. – Я как раз собирался уходить, хорошего вам дня.

Он открыл дверь, бросил на меня последний взгляд и устремился вниз по лестнице. Пока я еще не закрыла дверь, Лили, просунув голову в проем, пустила ему на прощание:

– Оперение у вас ничего, вот только от клюва несет хуже, чем от сыра!

Она быстро надела куртку, нацепила рюкзак и исчезла вслед за ним.

Хроники Хлои

Четверг – лучший день для прогуливания занятий. Лили возвращается из коллежа лишь в пять часов, а мама в обед не приходит: она навещает бабушку. Так что квартира в моем полном распоряжении, я больше ничья дочка или сестра. Могу делать, что хочу, и принимать у себя, кого хочу.

Вот уже шесть дней мы встречаемся с Кевином. Мне кажется, я в него влюблена. Он такой милый! Работает Кевин в пекарне, в нижней части города. Всегда, когда на обратном пути из лицея я захожу туда за хлебом, он выглядит очень счастливым. Не слишком-то он красив, но с некоторых пор я держусь подальше от привлекательных парней.

У нас все началось в прошлую пятницу. Как обычно я попросила багет и увидела его в глубине пекарни – он ставил в печь поддон с выпечкой. Он мне улыбнулся и попросил немного подождать на улице. Через несколько минут он вышел с зажатой в губах сигаретой.

– Привет, я Кевин.

– А я Хлоя.

Щеки у него были припорошены мукой, а глаза – редкой голубизны.

– Ты рядом живешь?

– Да, в корпусе С.

– Мне приятно тебя видеть у нас по вечерам.

Я опустила голову, почувствовав, как у меня краснеют щеки. Compliments всегда приводили меня в смущение, словно незаслуженно щедрый подарок.

Он чуть дотронулся до моего подбородка и очень нежно приподнял мне лицо.

– Я кончаю работу в восемь, придешь?

Ближе к восьми я приняла душ, как следует причесалась и накрасилась. Перепробовав три наряда, оставив Лили наедине с телевизором и предварительно взяв с нее слово, что маме ничего не будет сказано, вскоре я уже пришла к пекарне.

В одиннадцать, незадолго до возвращения мамы, я успела скользнуть в постель и теперь заново пересматривала фильм сегодняшнего вечера. Вспоминала бутерброды, приготовленные Кевином, скамейку возле пруда, его бедро, прижатое к моему бедру, его губы на моих губах, голос, который шептал мне, что я красивая, его ледяные руки, забиравшиеся под мой свитер, его торс, притиснутый к моему животу. Когда он предложил мне пойти с ним в машину, я твердо отказалась и сразу почувствовала его разочарование. Он достал сигареты и молча закурил, брови его были сдвинуты. Тогда я прижалась к нему всем телом и запустила руку под его брючный ремень, после чего весь остаток вечера он был со мной очень нежен.

Сегодня утром, когда я сказала ему, что у меня весь день будет свободна квартира, он сразу же согласился прийти. Я

дала ему код домофона, и ровно в два он уже был у меня. На этот раз никакой муки на его щеках я не обнаружила – сегодня у него был выходной. Он протянул мне небольшой пакетик, в котором оказались шукеты⁴.

Мы уселись на диване в гостиной, я поставила в телефоне романтический плей-лист и, положив голову Кевину на плечо, взяла его за руку. Он стал гладить мне ладонь своим большим пальцем. Кевин был таким нежным, ласковым, совсем непохожим на парней, которых я знала раньше. Их обычно интересовало только одно, они брали, ничего не давая взамен. Этот жест, показавшийся мне целомудренным, палец, что, едва касаясь, ласкал мою ладонь, – возможно, все это были хорошие знаки, и он и есть тот самый, единственный, которого я заинтересовала *по-настоящему*. Может, ему суждено до краев наполнить меня любовью и нежностью и нам с ним предстоит строить планы на будущее, может, я буду действительно для него что-то значить! Но ведь и я должна со своей стороны дать ему понять, что он тоже мне небезразличен. Вряд ли у него было полно возможностей для интрижек при суровой работе в пекарне, от звонка до звонка. Повернувшись к нему, я подставила губы для поцелуя. Неожиданно он встал, и мне поневоле тоже пришлось встать. Уперев руки в бока, он проговорил:

– Может, покажешь мне свою комнату?

⁴ Маленькие булочки из заварного теста.

Лили

16 марта

Дорогой Марсель!

Надеюсь, ты в порядке и не очень злишься, что я спрятала тебя за радиатором. Мне кажется, мама давно все наши батареи отключила.

У меня, раз уж ты спрашиваешь, дела так себе. В начале года у меня не было проблем с Манон и Жюльеттой. Все любят их уже только за то, что они двойняшки (что называется, два по цене одного). Кроме того, их отец – двоюродный брат соседки парикмахера матери Кева Адамса⁵, а все обожают Кева Адамса, кроме умников, изучающих греческий и латынь, но кому хочется, чтобы его любили зануды, которым интересны греческий и латынь?

Поначалу я к ним относилась с полнейшим равнодушием, не то чтобы я их любила, но и не то чтобы нет. Все изменилось, когда они впервые обнаружили мое существование. Все это случилось из-за того, что я выдвинула свою кандидатуру, когда выбирали старосту класса, ведь меня никто не предупредил, что Манон хотела быть единственной кан-

⁵ Кев (Кевин) Адамс (р. 1991) – французский комик и актер.

дидаткой. За меня подали всего один голос, и это была Кле-
лия (спасибо ей), так что я не поняла, когда именно близне-
цы начали злиться. Хорошо, что они явно не семи пядей во
лбу и дело ограничилось подножками да швырянием хлеб-
ных шариков в столовке, и все же я предпочитала не попа-
даться им на глаза.

На рождественские каникулы я рассказала обо всем сест-
ре, не для того, чтобы наябедничать (никакая я не ябеда),
а потому что она все равно об этом узнала от брата Нахима
(вот уж кто ябеда из ябед). Я заставила ее поклясться жиз-
нью Гран Кор Малада⁶, никому ничего не говорить, она обе-
щать обещала, но прищучила двойняшек на выходе из кол-
лежа, так что плакал он, несчастный Гран Кор Малад.

Она сказала им, что здоровье у меня хрупкое, что я очень
ранимая и они сами должны понимать, что любая старшая
сестра встанет на защиту младшей... Они покраснели как
раки, втянули опущенные головы в шарфы, Жюльетта по-
обещала больше меня не трогать, а Манон сказала, что она
очень сожалеет. На следующий день весь класс уже обзывал
меня ябедой (а я совсем не ябеда и никогда ею не была). Кля-
нусь, в первый и последний раз я доверилась моей сестрице.

Прости, Марсель, я ходила поменять ручку, эта больше не
пишет. В любом случае мне пора идти, начинается «Талас-

⁶ *Grand Corps Malade, GCM* («Гран Кор Малад», досл.: «Большое Больное Те-
ло», наст. имя – Фабьен Марсо; р. 1977) – французский слэм-поэт и автор-ис-
полнитель.

са»⁷.

Последние несколько недель близнецы вели себя совершенно спокойно, а почему – я не спрашивала. Только до сегодняшнего утра. На уроке химии классу надо было разбиться по двое, чтобы делать опыт, и Матис вдруг сел рядом со мной вместо Клелии. Дело в том, что Матис – парень Манон, кто этого не знает? Все перемены они проводят вместе, слившись губами, словно два голубых сомика-анциструса. Короче, я оглянулась и увидела, что Манон просто испепеляла меня взглядом. Я улыбнулась ей: дескать, не волнуйся, не съем, но, судя по тому, как она подняла средний палец, я поняла, что она восприняла мою улыбку как угрозу.

Когда во время перемены мы с Клелией уселись прямо на полу под навесом школьной площадки, к нам подошли близнецы и спросили, в чем моя проблема? Я ответила, что у меня нет проблем, поскольку и правда проблем не было. Тогда Манон сказала, что у нее, наоборот, как раз есть проблема, и имя ей Лили. Я ответила, что очень смешно, что у меня то же имя, что и у ее проблемы. Тогда она сдвинула брови, а я принялась объяснять, что мне плевать на Матиса, что у меня совсем другие цели, чем найти себе пару в третьем классе⁸, и что самое главное – от этого парня так несет, что можно подумать, он завтракает исключительно пирогами с рокфо-

⁷ «Таласса» (*Thalassa*) – один из старейших французских сериалов на морскую тематику, выпускаемый с 1975 г. и по сей день.

⁸ Что соответствует примерно шестому классу в российской школе.

ром, и поэтому она может успокоиться. Жюльетта в это время хмыкнула, и Манон приказала ей «заткнуть пасть». Затем она тоже присела и приблизилась ко мне так, что я почувствовала в ее дыхании все тот же рокфор, будто он внедрил в ее рот вместе со слюной хахаля, и прошептала мне в ухо, что я всего лишь маленькая шлюшка, такая же, как моя сестра.

Уж не знаю, что на меня нашло, может, это из-за передач о ламах, которые я смотрела в эти выходные, только я плюнула ей прямо в рожу. Жюльетта схватила меня за волосы, Клелия вцепилась в волосы Жюльетты, Манон – в шевелюру Клелии, а я ухватила за волосы Манон. Так мы и стояли неподвижно, пока не прозвенел звонок и нам не пришлось отправиться на урок географии.

Я так и не поняла, что она хотела сказать насчет Хлои. У меня только что был подходящий случай убедиться, что моя сестра – порядочная дрянь, но уж никак не шлюха.

Целую тебя, Марсель, хорошего вечера!

Лили

P.S.: Честное слово, никакая я не ябеда.

Анна

– Мама, ну зеленый же! – воскликнула Лили.

Я тронулась первой, улыбнувшись дочери в зеркало заднего вида, а затем вновь погрузилась в свои мысли.

Подсчеты сделаны. Чтобы расплатиться со всеми моими долгами, мне необходимы 12 689 евро. Я чуть не заплакала. За последние несколько месяцев, когда я окончательно поняла, что никогда не справлюсь с долгами, в то время как мой желудок потихоньку готовил мне сюрприз в виде язвы, а сны наполнились кошмарами, я начала превращаться в страуса. Что толку бороться с врагом, если знаешь, что он все равно тебя нокаутирует?

Я перестала думать о том дне, когда, чтобы выплатить кредит, который мы брали на двоих с мужем, а ежемесячные платежи мне стало невозможно платить в одиночку, я взяла новый заем с такими высокими процентами, что они превышали сумму самого займа. И тогда я перестала контролировать свой банковский счет, ведь каждая невыплата, каждый мой отказ сопровождалась непомерными поборами. Я больше не открывала присылаемые мне письма. Игнорировала вызовы неизвестных номеров. Так я жила несколько месяцев, обезболивая таким образом эту часть своей жизни. Но пришло отрезвление, и оно оказалось очень болезненным. И стоило 12 689 евро.

– Мы приехали! – завопила Лили.

Я припарковала машину перед домом отца, пока дворники отчаянно сражались с ливнем. На пассажирском сиденье Хлоя не отрывала глаз от телефона, все время, с тех пор как мы выехали.

– Хлоя, мы на месте.

– Хорошо.

– Постарайся, пожалуйста, быть полюбезнее с дедушкой, он всегда так рад вас видеть!

Она подняла плечи и сняла ремень безопасности. Подбородок ее дрожал.

– Да что с тобой, моя птичка?

– Со мной ничего, – ответила она, с заметным усилием скрывая подступившие слезы.

Я погладила ее по щеке:

– Точно, ничего?

– Мама, перестань, говорю же тебе, что со мной все в порядке.

Она вышла из машины, хлопнув дверью, и стала догонять сестру, прикрывая волосы от дождя сумкой.

Отец и моя мачеха, Жанетта, поцеловали нас четырежды каждую, как видно опасаясь, что с первого раза мы не поймем. Они улыбались так широко, что мы видели их зубы мудрости.

– Мы так вас ждали! У нас есть кое-что вам показать! –

с жаром пояснил отец.

Стоя рядом с ним, Жанетта захлопала в ладоши. В последний раз я видела их в таком состоянии в день, когда они сделали татуировки своих милых прозвищ на месте сердца, соответственно: «Папуля» и «Куколка».

Отец открыл оконную дверь и увлек нас за собой в сад.

– А ну, живо за мной!

– Дедуль, ведь дождь хлещет! – запротестовала Хлоя.

– Всего-то капает, а не хлещет, – возразила Жанетта, выталкивая нас наружу.

Когда мы обогнули дом, отец сделал знак остановиться.

– Готовы?

– Да! – воскликнула Лили.

– Постой! – вмешалась Жанетта. – Пусть угадают.

Он согласился, сторя от нетерпения. Ничего не попишешь: Папуля и Куколка – настоящие игроки.

– Вы купили собаку? – предположила Хлоя, на грани депрессии.

– Неужели тигра? – осторожно выдвинула версию Лили.

– Новую машину? – спросила я.

– Горячо, Анна! – ответила Жанетта. – Только больше, чем просто машину!

– Космический корабль? – разыгралось воображение у Лили.

– Неужели трейлер?

Отец хитро на нас посмотрел. Наконец он разрешил нам

пройти вперед, потом широко раскинул руки:

– Тадааааам!

За ним действительно стоял внушительного вида белый трейлер. Отец обнял за плечи Жанетту, и она замурлыкала:

– Вот, решили немного развлечься на пенсии. Этим летом планируем отправиться в Италию. Машина, конечно, не новая, но ей лет десять, не больше, и мы не могли упустить такого случая. Заходите внутрь, взгляните!

Они открыли дверной замок и заставили нас подняться в их отпускной домик на колесах, не забыв попросить нас разуться.

Внутри трейлер оказался маленьким, но очень функциональным. Имелась комнатка с двуспальной кроватью, повсюду полочки и шкафчики для хранения всевозможных вещей, даже уголок, отведенный под гостиную, с банкеткой, которая при необходимости могла служить спальным местом, мини-кухонька и душевая кабина, в которую, возможно, кое-как могла влезть одна моя нога.

Снаружи, нещадно поливаемые дождем, за нашей реакцией наблюдали Папуля и Куколка. Я кивком подала знак дочерям, который те схватили на лету, прежде чем начать восторгаться.

– Роскошно, просто роскошно, вы будете жить в полном комфорте!

– А как же хороши эти чудные занавесочки! – подхватила Хлоя, поглаживая рукой ткань с грубыми желтыми цветка-

ми.

Лили прочесала взглядом трейлер в поисках объекта вдохновения, и внезапно лицо ее озарилось:

– Потрясающе практично. Здесь все такое миниатюрное, что вы сможете одновременно готовить еду и какать!

После завтрака, достойного Гаргантюа, когда мы переместились в гостиную выпить по чашечке кофе, Хлоя уединилась в библиотеке.

На протяжении всей трапезы ее моральный дух играл в «йо-йо», и веревочку мячика держал именно телефон. Каждый раз, когда она в него смотрела, ее глаза то наполнялись слезами, то загорались, как звезды. Ранняя юность отличается переменной погодой.

Когда я подошла к ней, она сидела, зарывшись в подушки, с «Грозовым перевалом»⁹ в руках.

– Как ты?

– Отлично, – ответила она, не поднимая глаз от книги.

Я села рядом.

– Ты ведь знаешь, что всегда можешь поговорить со мной?

Она пожала плечами.

– Ты ведь знаешь это, Хлоя?

– Конечно, знаю, но...

– Но что?

⁹ «Грозовой перевал» – роман английской писательницы и поэтессы Эмили Бронте (1818–1848) и самое известное ее произведение.

– Ничего.

– Да что с тобой, моя птичка?

– Я в полном порядке, мама. Можешь просто обнять меня?

Ну, конечно, конечно же, я могу обнять тебя, мой взрослый ребенок! Я широко раскрыла руки, и она прижалась ко мне всем телом, уткнувшись головой мне в шею, ее волосы щекотали мой нос. Снова она таскала у меня духи, негодница!

Хлоя всегда любила греться под моим крылышком. Еще совсем малышкой она могла заснуть, только если я находилась рядом. Каждый вечер, ложась спать, я обнаруживала ее в супружеской постели. Это бесило ее отца. Я тоже ругалась, притворно, втайне наслаждаясь такими моментами нежности, которые, как я уже догадывалась, мимолетны, как и все остальное. И сейчас порой она приходит ко мне по ночам, под предлогом, что у нее болит живот или ей приснился кошмар. Больше я на нее не рычу, а просто поднимаю одеяло и освобождаю для нее тепленькое местечко рядом с собой, хотя и не в состоянии ей признаться, что она может делать это абсолютно спокойно и не придумывать оправданий.

Затем она мягко отстранилась, поправила волосы и снова погрузилась в чтение. Я тихонько встала.

– Ты знаешь, что я всегда здесь, и если тебе будет нужно со мной поговорить...

Я вышла из библиотеки, закрыв за собой дверь. И тут, из-

за закрытой уже двери, до меня донесся голос Хлои.
– Если при этом ты не окажешься на работе.

Анна

Каждое утро я приходила в ресторан с надеждой, что Тони поймет: его предложение для меня абсолютно неприемлемо.

Каждый вечер я уходила из ресторана, надеясь, что за ночь Тони сразит амнезия.

Но он не забывал. И не сдавался.

– Ну что, может, все же передумала?

Из-за стойки бара он наблюдал, как я орудовала шваброй между столиками.

– Нет, Тони.

– Почему ты не хочешь?

– Я тебе уже говорила сто раз: в тридцать семь невозможно найти новое место.

– Но ты же сама все время жаловалась, что здесь слишком много работы! Да я и сам вижу, что ты подустала в последнее время: быстро выдыхаешься и к тому же постоянно ноешь.

Швабра остановилась как вкопанная. Я развернулась в его сторону:

– Не переводи на меня стрелки! И не пытайся выискать причину, чтобы меня уволить, ты ее не найдешь. Любой подтвердит, что я работаю профессионально. Да я плевать хотела на то, что работаю за двоих, если я и «выдыхаюсь», как ты сказал, то только потому, что ты так желаешь от меня избавиться!

Он взял стакан и залпом осушил его.

– Я не поступил бы с тобой по-свински, не такой я человек. Иначе я бы не предложил тебе эту сделку. Мне очень нравится Эстель, ты ведь знаешь, что это не просто ради постели.

– Не знаю и знать не хочу, – ответила я, стараясь изо всех сил не представлять их в постели вместе.

Опершись на стойку ладонями, он продолжил разнеженным тоном:

– Она – милая девочка, я бы очень хотел, чтобы она со мной работала. Эстель согласна только при одном условии: что я возьму и ее сестру тоже.

– Как, еще и сестру? Ты хочешь сказать, что они будут работать вдвоем?

– Да, у меня были такие планы.

Ни слова не говоря, я опять взялась за мытье пола, хотя швабра умоляла меня уделить внимание и другой части бара.

– Скажи, Анна, ты вредничаешь из-за моей жены, не так ли?

– То есть?

– Ну, из женской солидарности? Или ты ревнуешь?

Бросив швабру, я в ярости подошла к шефу.

– Ты полагаешь, мир вертится только вокруг тебя, Тони? Да знаешь, ты можешь спать с Эстель сколько захочешь, а также можешь трахаться не только с Эстель, но и с ее сестрой, бабушкой и даже с ее хомяком, если так твоей душе

угодно, вот уж на что мне абсолютно наплевать! Знаю, тебе это трудно представить, но в данный момент я думаю только о себе, о дочерях, о своем будущем и о своем счете в банке. И я не из-за тебя отказываюсь от твоего предложения, а исключительно из-за себя. Так что, пожалуйста, перестань меня доставать, я ни за что не соглашусь.

Шеф налил себе второй стакан и принялся тихо потягивать напиток. А мне ничего не оставалось, как подобрать брошенную швабру и продолжить отмывать плиточный пол. По мере того как руки мои совершали привычные движения, гнев постепенно улегся, сменившись усталостью. Закончив работу и ощущая себя полностью выпотрошенной, я прошла через бар, чтобы забрать сумку и отправиться домой. Мой шеф как стоял, так и продолжал оставаться за стойкой.

– Спокойной ночи, Тони. Увидимся завтра!

– Анна, – продолжил он настаивать на своем. – Решительно нет ничего такого, из-за чего ты могла бы передумать?

Я почувствовала себя ядовитым, полным чудовищных шипов деревом. Колючки мои встали дыбом и приготовились выплеснуть яд.

Вместо этого я обернулась к нему и услышала собственный голос:

– Как знать, может быть, если как следует покопаться...

Хроники Хлои

Кевин меня больше не любит. В смысле, он так не сказал, однако заговорил о том, что я, дескать, слишком хороша для него, что он меня не заслуживает. Сегодня раз десять прошла мимо пекарни, надеясь его увидеть и поговорить обо всем. После всего, что у нас с ним было, мне недостаточно жалкой эсэмэски, да еще с двумя «н» в подписи. Увидеть его мне удалось, правда, издалека, во время перерыва. Мне все стало ясно. Если я слишком хороша, то Клара, вероятно, в самый раз.

Я сидела в подъезде, поджидая почтальоншу, и все обдумывала.

Непонятно, в чем, собственно, дело. Я составила список: всего в жизни я встречалась с семью парнями. Первые четверо бросили меня, потому что я не захотела с ними спать. Последняя же троица бросила меня сразу после того, как я с ними переспала. Мне-то казалось, что именно этого они и добивались, столько было разных сообщений по телефону, самых настоящих, не сублимированных¹⁰. Отчего же, когда им дали то, чего они хотели, оказалось, что им этого больше не нужно?

Вот почему я теперь думала о каждом из них. Нежные,

¹⁰ Сообщения, в которых используются сокращения или только согласные буквы.

предупредительные, они говорили *о нас* во множественном числе, строили планы на будущее, как тут можно было не влюбиться?

Инес утверждала, что мне не стоило торопиться с сексом, я должна была их поманежить, дать им побольше времени, чтобы они лучше меня узнали. Марион предположила, что я как-то не так вела себя в постели, что на Ютубе достаточно роликов, где опытные наставники всегда подскажут, как усовершенствовать себя в этом отношении. Шарлотта же сделала общий вывод, что все они – свиньи.

Я не знала, что и думать. Может быть, мужчины, как в сказке о Золушке, после любви способны превращаться во что-то совсем иное?

В нашем квартале почту обычно разносила Соня, с которой мы вместе занимались синхронным плаванием в начальной школе. Она без проблем отдавала мне почту, вместо того чтобы бросить ее в почтовый ящик. Но сегодня пришла не она, а незнакомый молодой человек с вьющимися волосами. Прислонив велосипед к стене, он с озабоченным видом разглядывал ящики с десятками имен.

Я поднялась с места:

– Если хотите немного облегчить себе задачу, дайте мне все, что у вас есть для Мулино.

– Не беспокойтесь, я разберусь, спасибо!

– Послушайте... Я жду срочное письмо, а ключ от ящика,

как назло, забыла.

Он затряс головой.

– Не уверен, что я вправе это делать.

Я адресовала ему одну из самых обольстительных своих улыбок, уверяя его, что фамилия Мулино была самой что ни на есть моей. Он потребовал в ответ показать ему мое удостоверение личности. Я показала, но мне тут же пришлось оправдываться:

– Если уж честно, то моя фамилия не совсем Мулино. Мои родители развелись, но это фамилия моей матери.

Почтальон взглянул на фото, потом на меня, потом снова на фото, потом снова на меня.

– В жизни вы гораздо красивее.

Я опять улыбнулась, на сей раз непритворно.

Он порылся в сумке, достал два конверта и протянул их мне. Оставив у себя письмо со штемпелем лица, я бросила второе в ящик.

Когда я уже направлялась к лестнице, он меня окликнул:

– Мулино! Как насчет того, чтобы мы снова встретились?

Звали его Люка, ему было двадцать один год, и он только что устроился на работу благодаря своей матери, работавшей кассиром на почте; он играл на гитаре в рок-группе, и мы договорились с ним пойти в кино в среду после обеда.

Я не стала подниматься в лифте, прыгая по лестнице через ступеньку, чтобы у моего сердца появилась веская причина забиться сильнее обычного. Мама вот уже час как ушла на

работу, по квартире все еще плыл аромат ее духов. Я вошла в свою комнату, поприветствовала фотографию папы, стоявшую у изголовья, на которой он держал меня, двухлетнюю, на руках, потом легла на постель и стала представлять, как у нас все будет в среду. Очень надеюсь, что мы с ним пойдем на фильм о любви.

Лили

21 марта

Дорогой Марсель!

Жаль, что я не писала тебе так долго, но у меня был грипп, так что я не прошу прощения. Временами у меня была такая высокая температура, что я не осмеливалась садиться на стулья из пластика. Не волнуйся, сейчас уже все в порядке, хотя до сих пор по утрам у меня бас, не хуже, чем у Гару¹¹.

Сегодня учителя коллежа все дружно отправились на забастовку, чтобы устроить уличное дефиле, которые сейчас в большой моде, а так как Хлоя была в лицее, мама сказала, чтобы я пошла к дедушке, но провести весь день с шестидесятилетними старичками, нет уж, благодарю покорно, я не любительница антиквариата. Поэтому я отправилась к Клелии, ее отец разрешил нам остаться под его присмотром, но на самом деле под его присмотром скорее был телевизор.

Мне нравится ходить к Клелии, потому что у нее есть миленькая собачка по имени Рокки, но особенно потому, что у нее есть еще две крысы. Это так круто – крысы, все дума-

¹¹ Гару (наст. имя Пьер Гаран, р. 1972) – франкоканадский музыкант, певец и актер; певческий голос – бас-баритон.

ют, что они разносчики всякой грязи, но на деле это первые чистюли, и кроме того, они очень-очень умные. Я смотрела по телевизору передачу о том, что крысы могут прийти на помощь другим крысам, не требуя при этом никакого вознаграждения. Вот здорово, если бы побольше людей тоже были такими.

Крыс Клелии зовут Царапка и Зубастик. Она поначалу думала, что это две самочки, но поскольку у Царапки появились семь детенышей, то либо Зубастик – мужского пола, либо можно забеременеть просто, оттого что грызешь морковь (надеюсь, это не так). Я бы так хотела взять себе кого-нибудь из них, однако, буквально наступив на горло собственной песне (хоть я и не любительница высокопарно выражаться), была вынуждена отказаться. Уж слишком хорошо я помню, как однажды, когда я была маленькой, мы увидели на лестнице мышь. Мама тогда так громко закричала, что мои барабанные перепонки отдали концы на несколько минут, потом она скатилась кубарем по лестнице, словно на лыжах. Вот почему, как только представится удобный случай, я всегда спешу к Клелии. Мы с ней берем каждая себе на плечо по одной – Царапку и Зубастика – и отправляемся на прогулку. Когда крыски пьют прямо с наших языков, обхватывая лапками наши губы, какое же это блаженство!

А потом я вернулась домой, чтобы выполнить письменное задание по северному сиянию, Хлоя сидела, запершись у себя в комнате, и слушала музыку, она не открыла, когда я

к ней постучалась, и даже не вышла поесть макаронной запеканки, которую мама приготовила для нас перед уходом на работу.

Ну а теперь я пойду спать, не знаю, как ты, а я чувствую себя страшно уставшей. Завтра почищу зубы, надеюсь, мама этого не почувствует, когда после работы зайдет ко мне в комнату меня поцеловать.

Тысячи поцелуев, Марсель, и спокойной ночи!

Лили.

P.S.: Ноги у меня совсем окоченели, поэтому я взяла фен и положила в постель, но когда его отключила, они тут же замерзли снова.

Анна

Я – безработная. С тех пор как проснулась, я не переставала твердить про себя эту фразу, словно пытаюсь себя убедить. Скоро полдень, а я все еще валялась в постели, потому что снова улеглась, как только девочки ушли на учебу. Сколько же времени мне не удавалось вот так понежиться, насладиться неспешным пробуждением во всей его сладости. Очень приятно, но нельзя ни в коем случае привыкать. Сегодня же приступлю к поискам новой работы. А вот когда найду, только тогда – не раньше – расскажу обо всем девочкам. Незачем их понапрасну тревожить, хватит и меня одной для этого.

А ведь Тони далеко не сразу принял мое предложение. Сначала он просто посмеялся, пока не понял, что я настроена решительно. Либо уступит он, либо я остаюсь. Два дня он играл со мной в молчанку, а вчера вечером протянул мне конверт.

– Ты, кажется, сказала, что предпочитаешь наличные?

В конверте оказались банкноты разного достоинства, и у меня возникло ощущение, что я сорвала банк в «Монополии»¹². Я прошла с Тони в его кабинет, и мы подписа-

¹² «Монополия» – настольная игра, экономическая и стратегическая, для двух и более человек, получившая широкое распространение в XX в. Цель ее – рации-

ли документ, подтверждающий окончание нашего трудового соглашения.

– Сегодня был твой последний рабочий день, – добавил он. – Обойдемся без предварительного уведомления.

– Не уверена, что мы можем так сделать...

– Послушай, Анна, получив от меня кругленькую сумму, неужели ты собираешься и дальше мне досаждать?

Я опустила голову, слов у меня не было. Получается, я здесь в последний раз. Я даже не успела попрощаться с нашими самыми верными клиентами Андре и Жозианой, которые приходили сюда каждую среду в течение десяти лет, вот их столик возле окна; не попрощалась с Бертраном, Жамелем и Диланом, бравшими комплексные обеды в полдень и всегда оставлявшими несколько монеток, помимо ресторанных талонов; с Марленом, приходившим выпить чашечку кофе по вечерам, чтобы развеять на несколько минут свое одиночество.

– Ладно, спасибо, Тони. Знаешь, работать было тяжело, но мне здесь нравилось.

Мне показалось, что в его глазах что-то блеснуло. Он тут же отвернулся и посмотрел на вход.

– Я знаю, ты отлично работала. Ну что ж, не все так просто... Ладно, пора закрывать, жена меня уже ждет.

На улице было холодно. Тони начал запирать дверь на ночь, затем неуклюже приложился к моей щеке.

– Надеюсь, найдешь себе что-нибудь приличное.

Я не смогла ему ответить, а поспешила к своей машине, приказывая слезам оставаться на месте.

В машине я пересчитала деньги.

Замок, конечно, на них не купишь, но достаточно, чтобы погасить долги и, затянув пояс потуже, не бояться судебных исполнителей еще месяца два-три. А если повезет, я смогу найти более высокооплачиваемую работу, которая позволит мне зарабатывать немного больше, чем приходится тратить. «Это непредвиденное увольнение – как знать, возможно, не такой уж плохой выход», – подумала я тогда, трогаясь с места.

Но теперь тревога вернулась. А что, если мне придется месяцами искать работу? Что, если я вообще ее не найду? Что, если мы окажемся на улице?

Поднявшись с постели с твердым решением не позволять негативным мыслям завладеть мной и парализовать мою волю, я вынула «беруши», которыми была вынуждена пользоваться утром, поскольку сосед сверху вообразил себя Мэрайей Кэри¹³, которая проглотила Гару, и вышла из своей комнаты.

Со вздохом я закрыла стеклянную дверь гостиной. Лили всегда оставляет ее открытой, как зимой, так и летом, словно

¹³ Мэрайя Кэри (р. 1970) – американская певица, обладающая тонким, нежным голосом. У Гару – бас-баритон.

из ее мозгов начисто вымарано понятие «закрой за собой». Грязные тарелки от вчерашнего ужина по-прежнему стояли на журнальном столике. Если их сейчас убрать, девочки будут пребывать в уверенности, что это и есть моя главная функция, а если оставить – через месяц квартира превратится в свинарник. Открывая дверь в туалет, я как раз обдумывала, как мне найти верный способ приобщить их к хозяйственным делам, как вдруг моему взору открылась задница – белая, абсолютно незнакомая задница, причем прямо у меня перед глазами. Голый мужчина мочился в мой собственный унитаз!

AA!
заорала я.

AA
ответила тем же задница.

Я быстро закрыла дверь, повернув ручку, чтобы не дать незваному гостю ускользнуть, продолжая при этом кричать. Пока я прикидывала, как мне воспользоваться телефоном, оставшимся в моей комнате, и сообщить полиции, на мой зов примчалась растрепанная Хлоя.

– Хлоя, не подходи, там, в нашем туалете, голый мужик!

Она густо покраснела. Я все поняла.

– Кстати, Хлоя! Что ты здесь делаешь, почему не в лицее?

Нет ответа. Да и так ли мне нужен ответ, если моя дочь стоит передо мной в одних трусиках?

Я открыла дверь в туалет, голая задница промчалась

в комнату Хлои, не вдаваясь в объяснения. Двумя минутами позже, уже одетый, незнакомец покинул квартиру. На какое-то время оставшись одна, я постаралась унять дрожь и заодно смириться с очевидным: дочери моей уже не пять лет. Затем я пошла к ней в комнату.

– Ты не считаешь нужным объяснить все это?

Лежа на разобранной кровати и глядя в потолок, она плакала. По ее щекам бежали потоки слез.

– Хлоя, ответь. Это твой парень? Как давно вы вместе? У тебя сегодня нет занятий?

Я подошла к ней и села на кровать. Она бросилась в мои объятия, ее тело сотрясалось от рыданий. Но я твердо и решительно оттолкнула ее.

– Хлоя, ты должна мне все рассказать. С каких пор ты спишь с этим парнем? И что ты сейчас делаешь дома?

Она вытерла слезы, села, опершись о стену, прижала колени к груди и посмотрела мне прямо в глаза:

– А ты? Что ты делаешь дома?

Хроники Хлои

Люка больше не отвечал на мои сообщения. Я клялась и божилась, что понятия не имела, что мама была дома, обещала, что такого никогда больше не повторится, но все напрасно: он притворился мертвецом.

Я ждала на балконе, когда он привезет почту, но оказалось, что его перевели в другой район, потому что Соня вернулась к работе. Я бы очень хотела пойти к нему, но... я наказана. Мама разрешает мне только посещать лицей и выходить на балкон – это сущий ад. Вдобавок ко всему теперь она целыми днями сидит дома. Я чуть ли не должна спрашивать у нее разрешения, чтобы сходить в туалет. Хорошо бы как-нибудь ускорить время и оказаться сразу через три месяца, три недели и один день, когда я наконец стану совершеннолетней.

Впервые в жизни я оказалась под домашним арестом. Сурово, что и говорить, но куда хуже другое: мама мне больше не доверяет. Я ее разочаровала.

Она задала мне кучу вопросов, ей хотелось все знать. Я не ответила ни на один, и тогда она принялась рыться в моих вещах. А тот, кто ищет, всегда найдет.

Когда она обнаружила у меня пакетик презервативов, ее лицо побелело.

Найдя упаковку противозачаточных таблеток, она стала

багровой.

Когда мама нашла кубик гашиша, она вышла из моей комнаты.

Я пошла к ней позже, вечером. Они с Лили смотрели телевизор. Глаза у мамы были красные. Я сказала, что сожалею о случившемся. Она раскрыла руки, и я прижалась к ней всем телом.

Когда она гладила меня по голове, я почувствовала, что ее сердце бьется сильно-сильно.

– Поговори со мной, моя птичка, – прошептала она. – Скажи, что у тебя не так. Как я могу тебе помочь?

Я не ответила. Ведь я и сама не знала, что у меня было не так. И уж тем более не представляла, чем она могла мне помочь. Вместо этого я заплакала, громко, навзрыд.

Позже мама пришла к моей кровати поцеловать меня перед сном. Она сказала, что не может сидеть сложа руки в такой ситуации, не может позволить мне заниматься саморазрушением. И добавила, что это, разумеется, не решит проблему, но она собирается меня наказать для моего же блага.

– Ты не можешь держать меня взаперти, – ответила я.

– Могу, Хлоя. Я – твоя мама, а ты еще несовершеннолетняя, так что я вполне могу запретить тебе выходить из дома.

Меня охватила ярость.

– Ты хочешь, чтобы я покончила с собой, да?

Я прекрасно видела, что в ее глазах промелькнул страх, но она только поцеловала меня в лоб и вышла из комнаты.

Я заснула вся в слезах, не сводя взгляда с фотографии папы напротив меня.

Лили

25 марта

Дорогой Марсель!

В новостях сказали, что сегодня День неторопливости¹⁴.

Тогда я напишу тебе завтра, ладно?

Крепко целую.

Лили

¹⁴ 26 февраля во многих странах отмечается оригинальный праздник – День неторопливости (или День медлительности). Идея принадлежит итальянцам, впервые отметившим его в 2007 г. с целью неторопливо наслаждаться жизнью в каждый ее неповторимый момент. В этот день рекомендуется «отложить на завтра то, что не обязательно делать сегодня».

Анна

У директора лицея Хлои забавное имя: Мартен-Мартен. Дожидаясь его у кабинета, я задавалась вопросом, что происходило в головах его родителей, когда они давали ему такое имя. Просматривались два варианта: либо они не любили своего сына, либо были не в себе.

– Госпожа Мулино, можете войти!

В дверях показался мужчина лет пятидесяти. Я пожала ему руку и села на предложенное место.

– Я рад, что наконец-то встретился с вами, – проговорил он, усаживаясь, в свою очередь.

– «Наконец-то»?

– Да, если учесть, что я уже очень давно хотел с вами увидеться. Вы ведь пришли побеседовать насчет Хлои?

Меня охватило неприятное ощущение, которое обычно предшествует плохим новостям. Я заговорила о дочери, делаясь с директором своей тревогой, а он внимательно слушал меня, опершись локтями о стол и переплетя пальцы под подбородком. Оценки у Хлои были прекрасные, преподаватели хвалили ее как за успеваемость, так и за примерное поведение, так что я имела все основания считать, что мне необыкновенно повезло с дочерью. Она без проблем приспособилась к любому окружению, можно сказать, подобно хамелеону, легко и непринужденно. Однако в последнее время

хамелеон приобрел четкую и несменяемую окраску, и она скорее мрачная, чем жизнерадостная, отчего я вдруг почувствовала себя беспомощной. Возможно, учителя или директор заметили что-нибудь необычное в ее поведении?

Мартен-Мартен несколько раз мотнул головой и поправил очки.

– Так вы не получали от меня писем? – спросил он.

– Каких писем?

– Допустим. Я очень удивился, что не получил на них ответа, но Хлоя убедила меня, что вы были очень заняты на работе. А ведь я написал вам не одно письмо. За последние недели у вашей дочери накопилось слишком много пропусков занятий. И, по-видимому, без всякой уважительной причины. Я несколько раз вызывал ее, пытаюсь понять, что с ней происходит, однако она уверяла меня, что у нее все хорошо. Не произошло ли в ее жизни какого-либо события, коренным образом изменившего ее поведение?

Мои мозги отказывались воспринимать его слова.

– Вы уверены, что говорите о моей дочери? О Хлое Леруа?

Он был абсолютно уверен. В течение получаса он перечислял мне случаи прогулов занятий, наглого поведения, наконец, показал мне оправдательные записки, под которыми красовалась «моя подпись». Он говорил все это о моей дочери, о моей нежной, чувствительной Хлое, а мне казалось, что он рассказывает мне о незнакомке! О незнакомке, принявшей решение пустить свою жизнь под откос.

Должно быть, на моем лице отразилось столько ужаса, что Мартен-Мартен протянул мне носовой платок. Я взяла всю пачку.

Она вскоре опустела, как и моя цистерна слез, когда он проводил меня до двери, пожелав мне держаться.

Несколько минут я ехала наугад, без всякой цели. Этот день не должен был пройти просто так. Я собиралась устроить себе и дочкам отличный ужин, чтобы отметить окончание наших невзгод: господин Ренар на следующей неделе назначил мне встречу, чтобы уладить все дела с моими долгами. Я должна была чувствовать себя легко, а не так, словно я вешу тонну. Как я могла быть настолько слепой? Я-то думала, что Хлоя никогда от меня ничего не скрывала. Какой одинокой должна была она себя чувствовать. Как, наверное, ей было плохо! Не задумываясь, как лучше припарковаться, я одним колесом заехала на бордюр и остановилась, доставая телефон.

Он ответил после третьего сигнала.

– Привет, это Анна.

– Привет, Анна, рад тебя слышать. У тебя все в порядке?

Его мягкий голос возродил во мне тысячи воспоминаний.

Я постаралась придать своему голосу твердость.

– Не совсем так. С Хлоей есть проблемы. Думаю, мне стоит с тобой об этом поговорить.

– Ты правильно думаешь. Я слушаю.

И я начала ему рассказывать обо всем: о рыданиях, замкнутости, молчании, прогулах, мальчиках, поведении в лицее. Только о гашише не упомянула, не в состоянии это озвучить.

– Все это – крики о помощи, ей очень плохо. Наверняка она чувствует себя страшно одинокой, при том что мне постоянно приходилось работать, а ты живешь в Марселе.

– Ты не должна чувствовать себя виноватой, Анна, ты стараешься для нее изо всех сил. И я тоже. Каждую неделю я связываюсь с девочками по скайпу и приглашаю их к себе, как только представится возможность.

– Прошло больше года с тех пор, как они тебя не видели. Несколько секунд он молчал.

– Знаю, знаю и очень страдаю от этого. Моя мама неважно себя чувствует, и я не могу в данный момент принять их у нее. Вот если бы у меня нашлись средства на поездку... Я страшно по ним скучаю, ты же знаешь.

Голос его задрожал. Я слышала его прерывистое дыхание.

– Как я порой жалею, что уехал так далеко. Мне стоило об этом задуматься, но для меня тогда это было вопросом выживания. Я просто не мог оставаться вблизи вас, зная, что ты больше меня не любишь.

– Ладно, мне пора заканчивать разговор, Матиас.

Мое сердце учащенно билось, ладони стали влажными, а я слишком хорошо знала эти симптомы.

– Анна, достаточно одного твоего слова, чтобы я здесь все

послал к черту.

– Я просто прошу тебя попытаться увидеться с дочерьми. Они не должны расплачиваться за все это.

– Мы тоже не должны.

– Пока, Матиас, хорошего дня.

В телефоне все еще слышался его голос, когда я отключилась. В ушах раздался шум, в челюсти начиналось легкое покалывание. Я закрыла глаза, сделала короткий вдох, а затем долгий выдох, как учил меня психотерапевт, с которым я консультировалась после первой панической атаки. Короткий вдох. Долгий выдох. Короткий вдох. Долгий выдох. Сердце забилось чуть медленнее. Короткий вдох. Долгий выдох. Дрожь начала успокаиваться. Короткий вдох. Долгий выдох. Короткий вдох. Долгий выдох. Угроза миновала.

Мне показалось, что я готова продолжить путь, как вдруг раздался звонок. Номер незнакомый. Я ответила.

– Госпожа Мулино?

– Да, это я.

– Добрый день, госпожа, вам звонит Мартина Ларош, за вуч коллега имени Эмиля Золя. Вы должны приехать как можно скорее, у нас небольшая проблема с Лили.

Лили

30 марта

Dear Marcel!

*How are you?*¹⁵ (Сегодня утром у меня был урок английского языка.) У меня почти все хорошо, если не считать того, что мама грустная с тех пор, как она все время стала проводить дома. Может, она и раньше такой была, но мы виделись гораздо меньше, чем сейчас, вот и кажется, что это было не так. Чистая математика.

Она хорошая, согласна, но отчего-то все время хочет, чтобы я сама убирала со стола, застилала за собой постель, открывала жалюзи, хорошо спускала воду в туалете, и вообще, мне кажется, она меня принимает за Золушку! А теперь к тому же она вбила себе в голову, что со мной плохо обращаются в коллеже, и все из-за одной пустяковой детали.

Сейчас я все тебе расскажу, и ты мне выскажешь свое мнение.

Все началось с урока географии. Мы с Клелией представили наше сообщение, посвященное северному сиянию, и у препода был довольный вид, по крайней мере, так нам

¹⁵ Дорогой Марсель! Как ты? (англ.)

показалось, хотя, если честно, вид у него всегда один и тот же, доволен он или разъярен. Во всяком случае, он не заснул, а это уже хороший знак.

И то сказать, мы неплохо поработали, да и с темой нам повезло, даже мама и Хлоя нашли, что это круто, не в пример Жюльетте и Манон, которым досталось сообщение о тундре. Мы подготовили настоящее слайд-шоу, класс был в восторге, а Манон вдруг ни с того ни с сего заявила, что при таком раскладе слишком уж просто заработать хорошую оценку. Господин Ванье возразил ей, что оцениваться будет только качество подготовки, без учета особенностей темы, но Жюльетта прошептала, что вряд ли это случайность, что самая лучшая тема досталась ябеде и подлизе (а я вовсе никакая не ябеда и не подлиза). Не знаю почему, но я сразу поняла, что это камень в мой огород, и сказала, что лучше уж быть ябедой, чем завистливой. Тогда Манон заявила, что было бы чему завидовать, не моей ли физиономии морской свинки? На что я ответила, что уж лучше иметь лицо морской свинки, чем вообще не иметь никакого лица. Учитель заставил нас прекратить перепалку, мы с Клелией кое-как закончили наше сообщение, а затем поспешили на урок математики. Вот тогда-то это и произошло. Я ничего такого не ожидала и не видела, что ко мне кто-то приблизился, только вдруг почувствовала, как сзади меня больно схватили за волосы.

Когда мама пришла за мной в учительскую госпожи Ларош, она выглядела так, будто у нее сильнейший грипп. На-

до сказать, что Манон не удастся меня провести, я спрошу, какой маркой ножниц она орудовала. Клелия даже сказала, что вышло очень забавно, будто челка сзади головы, только мне от этого ни жарко ни холодно, рано или поздно волосы отрастут. Но вот мама очень сильно забеспокоилась, она уверена, что я подверглась насильственным действиям, что все это очень серьезно, что нельзя это оставлять безнаказанным, и с тех пор она не перестает осыпать меня поцелуями и называть разными ласковыми словечками, например, птичкой (интересно, моя голова так ли уж похожа на голову птички?).

Манон вызовут на дисциплинарный совет, и я надеюсь, что ей не удастся отвертеться.

Итак, Марсель, а ты что думаешь обо всем этом? Сейчас я тебя закрою и подброшу в воздух. Если ты упадешь открытым, значит, ты согласен со мной, если закрытым – значит, с мамой.

Ну и ну, ты упал закрытым. Я подозревала, что ты окажешься предателем.

Никаких тебе поцелуев.

Лили

P.S.: И все равно я очень тебя люблю.

Анна

Бабушка ждала меня в своей комнате, как всегда по четвергам. Она наложила немного румян и надушилась своими любимыми духами. На подносе были приготовлены два стакана и бутылка лимонада. Я наклонилась к ней и поцеловала ее.

– Как ты, детка? – спросила она.

– Хорошо, бабулечка, а ты как?

Прищурив глаза, она внимательно смотрела на меня до тех пор, пока я все ей не выложила. От бабушки невозможно что-либо скрыть, это настоящий детектор лжи. Сидя у изножья ее кровати, я рассказала обо всех событиях, произошедших за эту полную хаоса неделю. Поневоле я вывалила к ее ногам тяжкий груз, который не в состоянии была нести в одиночку.

– Я чувствую, что они нуждаются во мне, но не знаю, как им помочь. Если бы я слушалась своего внутреннего голоса, то немедленно бросила бы все и увезла их подальше отсюда.

Бабушка поставила стакан и приложила к губам салфетку.

– Ну, так и сделай это!

– Что ты хочешь сказать?

– Хотя бы раз прислушайся к себе, последуй своей интуиции. У тебя есть желание уехать – уезжай. Может, это и не решит все проблемы, но разве у тебя есть другой выход?

– Я не могу, бабушка!

Она живо отмела мой протест презрительным жестом.

– А что мешает? Если дело в деньгах, то возьми то, что дал тебе шеф, у тебя еще достаточно времени для жизни, чтобы расквитаться со всеми долгами. У меня мало что есть, но я тоже могу тебе помочь.

Я смотрю на лицо бабушки, ожидая, что сейчас она улыбнется, довольная, что так удачно меня разыграла.

– И не надо так на меня смотреть, словно я сейчас вцеплюсь тебе в волосы.

Я покачала головой, смеясь:

– Бабулечка, да не могу я уехать. И речь не только о деньгах, еще есть учеба девочек, необходимость найти работу, короче, это невозможно. И потом, я даже не знаю, куда могла бы поехать...

– Уверена, что ты обязательно найдешь такое место. Как-то ты рассказывала мне о северном сиянии, разве нет? – заметила она, хитро мне подмигнув.

– Ну ладно, поговорили, и хватит! Или ты тоже хочешь попутешествовать с нами?

– С удовольствием! Я уже не выдерживаю больше сидеть в четырех стенах.

Я встала, взяла за ручки ее инвалидное кресло и повезла бабушку на прогулку по коридорам дома престарелых, где она живет с тех пор, как ей отказали ноги. В саду наконец-то зазеленело после долгих месяцев преимущественно бурых

ТОНОВ.

Пожилые обитатели пансионата, собравшись небольшими группками, пользовались благодатным возвращением солнца.

– Все проходит так быстро, знаешь, – тихонько произнесла бабушка.

– Почему ты мне это говоришь?

– Потому, что я люблю тебя, детка.

У меня перехватило дыхание. Я тоже тебя люблю, моя милая, дорогая бабушка. Я люблю тебя так сильно, что мои приезды сюда каждый раз становятся пыткой. Так сильно люблю, что испытываю почти физическую боль, видя твое постепенное угасание и понимая, что скоро тебя не станет и ты навсегда исчезнешь. Я настолько тебя люблю, что по ночам выплакиваю все глаза, а днем в груди моей не смолкает немой крик, стоит мне вернуться мыслью к тебе, ко всем этим годам, когда ты ходила, сильная, сильнее траура, сильнее рака, а также к временам, когда ты была еще молодой и заботилась обо мне, и оставалась моим единственным прибежищем, моей опорой, моим всем.

С трудом проглотив свое горе, я нацепила улыбку.

– Могу я кое о чем тебя попросить?

– Слушаю, бабушка.

– Если ты все же когда-нибудь увидишь северное сияние, сможешь оказать мне одну услугу?

Хроники Хлои

Инес сказала, что на днях встретила маму, выходящую из кабинета директора. Она была вся в слезах. Сегодня я запретила маме входить на кухню и приготовила курицу с оливками. Мы поели втроем: мама, Лили и я без всякого телевизора и телефонов. Большая часть ужина, как всегда, прошла в молчании, и все же мы немного поговорили. Речь шла о маминых поисках работы, о новой короткой стрижке Лили, о северном сиянии, о краже велосипеда из подвала, об оливковом соусе, больше похожем на пюре. За десертом – я сочла это время наиболее подходящим – я решила объявить новость.

– Я бросаю лицей.

Лили перестала дуть на йогурт, чтобы согреть его, а мама положила на стол наполненную ложку.

– Как это ты бросаешь лицей? – еле выговорила она. – Ты что, уже не собираешься поступать на филологический факультет?

– Нет, я хочу уйти из лицей сейчас. В столовой детского сада требуются сотрудники, мать Инес может замолвить за меня словечко.

– А как же экзамены на аттестат зрелости?

Я пожала плечами, уставившись на скатерть.

– Аттестат ничего не даст. Все равно мне придется рабо-

тать, я должна зарабатывать.

Мама больше не произнесла ни слова. Она ушла с кухни, не доев свой десерт. Я заранее знала, что это сильно ее огорчит, но в один прекрасный день она меня поймет. Если я это и сделаю, то только ради нее. Вообще-то у меня есть мечта – жить в Австралии. Как папа во времена молодости. Я уже провела несколько часов за оформлением документов, даже начала заполнять анкету, чтобы получить *Working Holiday Visa*¹⁶ и улететь сразу, как только достигну совершеннолетия. Я могла бы найти работу официантки в ресторане, они обожают *Frenchies*¹⁷, и потом, это же потрясающе здорово – зарабатывать на жизнь, изучая английский! Возможно, мне удалось бы сделать там карьеру и оплатить билеты на самолет для всей семьи, которая приехала бы туда меня навестить.

Но я не могла оставить маму.

Кто-то же должен помочь ей рассчитаться с долгами? Она все от нас скрывала, но я прекрасно видела, что ей не удавалось справиться со всем, что на нее навалилось. А теперь, когда она осталась без работы, больше ждать нельзя. Уж лучше пускай один пожертвует своим будущим, чем погибнут трое.

Вскоре мама вернулась на кухню. Мы как сидели, не двинувшись с места, так и продолжали сидеть. Она встала, скре-

¹⁶ *Working holiday visa* – виза, позволяющая получить работу во время путешествия. Целью таких программ, рассчитанных в первую очередь на молодежь, служит знакомство с культурой страны и совершенствование иностранного языка.

¹⁷ Французишек (англ., пренебр.).

стив руки на груди, прямо под лампу, так что на нее падал свет, и я увидела, как сильно стали заметны темные круги у нее под глазами.

Она подождала, пока мы поднимем на нее глаза, а потом тоном – «все-таки здесь мать – я» – проговорила:

– А ну собирайте чемоданы, мы уезжаем!

Анна

Господину Ренару совсем не понравилось, что я отменила нашу встречу. Сослалась я на неожиданно возникшие семейные обстоятельства, что отчасти было правдой, и пообещала, что увижусь с ним в самом скором времени.

Старший советник по вопросам образования коллежа Лили отнеслась к моим словам с пониманием. Она признала естественным, что я не могла оставить дочь в подобном положении, и без лишних слов выдала нам все необходимые документы.

А вот директор лицея Хлои подверг меня настоящему допросу. Пришлось немного присочинить по ходу дела, он отнесся к услышанному довольно скептически, но сказал, что не видит для себя никакой возможности помешать осуществлению моих планов.

Зато бабушка была за мой проект обеими руками. Давно уже не видела я в ее глазах веселых искорок, особенно когда она в деталях описывала, в чем состояло ее поручение.

А вот отец и Жанетта, которых, как мне казалось, уговорить было легче всего, стоили мне больше часа ожесточенных споров. Но и они в конце концов сдались под весомостью аргумента, который подвигнул на поездку и меня самое.

– Папа, возможно, это тот самый, единственный случай в моей жизни, когда у меня есть выбор. С помощью этих де-

нег я могу расплатиться с долгами либо прийти на помощь
моим дочерям.

Лили

3 апреля

Дорогой Марсель!

Мне кажется, на этот раз у нашей мамы, бесспорно, поехала крыша. Пишу тебе с банкетки трейлера моего дедушки, и представь, из Германии.

В путь мы отправились с самого утра и только раз остановились у обочины, чтобы перекусить бутербродами. Там стояли полицейские в униформе, и я едва не выскочила из машины, чтобы попросить у них помощи, но, поскольку я не знала, как будет SOS по-немецки, то я просто съела свой сэндвич по-французски.

Вчера вечером, когда она велела нам собирать чемоданы, я решила, что она собирается отправить нас к отцу, и я пришла в негодование. Мне не о чем говорить с этим марсельцем, хватит и того, что приходится общаться с ним по скайпу. Но когда она сказала захватить с собой теплые вещи, я испытала облегчение. Я между тем настояла, чтобы она сообщила нам, куда все-таки мы собираемся ехать (я, конечно, хочу быть хорошей девочкой, но не собираюсь становиться главным посмешищем какого-нибудь дурацкого розыгры-

ша), и тогда она объявила, что мы едем наблюдать северное сияние в Скандинавию. Нет, она сошла с ума, точно тебе говорю. Я почти уверена, что это все из-за моего дурацкого сообщения. Хорошо хоть, оно не было на тему черных дыр.

Сегодня утром мы пошли попрощаться с моей прабабушкой. Она отдала маме коробку, очевидно, там находилась урна с прахом ее мужа, который она когда-то ему пообещала развеять с высоты какого-то мыса в Норвегии, уж не помню, какого, куда они вместе с ним ездили. Но потом она так и не набралась мужества туда съездить, а теперь это и вовсе невозможно из-за ее ног. Вот она и поручила маме сделать это вместо нее. Я не знала прадедушку, но каким же он должен был быть маленьким, чтобы поместиться в небольшую коробочку?

Потом мы отправились к дедушке, и он объяснял нам, что да как в его фургоне. Не могу сказать, что я внимательно за всем следила, но особенно меня заинтересовал туалет. Он напоминает обычный ящик, который необходимо опорожнять, когда он наполняется. Скажу тебе, что лучше уж я буду справлять нужду в окно, прямо на ходу при любой скорости, чем опорожнять потом эту штуку.

Поскольку я совсем не уверена, что вернусь живой и невредимой, пользуюсь свободной минуткой, чтобы составить завещание, которое ты передашь похоронным агентам в случае необходимости.

Я, нижеподписавшаяся Лили, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю:

мою коллекцию камней и минералов – Клелии; я знаю, она позаботится о ней должным образом;

фиолетовый бразильский браслетик – Царапке, а вторую, зеленую, фенечку – Зубастику;

словарь я завещаю Манон, а лосьон от прыщей – Жюльетте; комиксы о Дядюшке Скрудже – моей матери, если она будет к тому времени живой;

мои молочные зубы – моей сестре, если она все еще будет жива.

Желаю, чтобы на моих похоронах не присутствовал отец. На мою могилу пусть поместят фотографию, на которой я снята вместе с моей собачкой Шоколадкой, когда я была маленькой. И уж только, пожалуйста, не эту недавнюю, потому что, хотя мне и плевать, что у меня стрижка, как у фигурок из «Плеймобила»¹⁸, но все же с длинными волосами я не такая страшная.

Вот, Марсель, надеюсь, что пишу тебе не в последний раз, но если что, знай, я была очень рада с тобой познакомиться, ты был очень милым моим дневником. О, не может быть! Кажется, мама идет поставить компакт-диск с Селин Дион!¹⁹

¹⁸ Детский конструктор.

¹⁹ Селин Мари Клодетт Дион (р. 1968) – канадская певица, автор песен, актриса и композитор.

Тысяча поцелуев, Марсель.

Прощай, может быть. Сердечко тебе с пальчиками.

Лили

P.S.: Я действительно должна научиться говорить SOS на всех языках.

Хроники Хлои

Я думала, что мы просто прокатимся, уедем на два-три дня, а потом вернемся к прежней жизни. Но когда мама объявила, что мы отправляемся в Скандинавию, я поняла, что она оставила свой разум дома.

Подтверждение тому было получено при пересечении немецкой границы, когда мне пришло сообщение, что у меня не подключен международный роуминг. Мама меня утешила: у нее он подключен. Пока я устанавливала Фейсбук, Инстаграм, Твиттер, Снапчат и приложения, чтобы управлять моим блогом с ее телефона, она одной фразой разрушила все мои мечты.

– Десять минут в день, не больше.

– Что это значит?

– А то и значит: цель нашего путешествия – провести время вместе, открывать для себя новые пейзажи, другую культуру, а не сидеть, уткнувши нос в телефон.

Около часа мы ехали след в след за одним грузовиком. Справа деревья, слева деревья, вот тебе и все открытие «новых пейзажей».

Лили постучала указательным пальцем себе по голове. Если даже она решила, что мама сбрендилла, это серьезно.

Я попыталась торговаться.

– Может, час?

– Десять минут.

– А два часа?

– Хлоя, прекрати.

– Мама, ты не можешь жить без кислорода? Так вот – я тоже.

Она что-то закудаhtала, Лили тоже. После долгой борьбы мне удалось заполучить полчаса. Может, я еще выживу.

В конце дня мы приехали в Кёльн, где по решению мамы нам предстояло провести ночь. Мы остановились в кемпинге на берегу Рейна, и она непременно настаивала, чтобы мы пошли осмотреть город. Я с удовольствием согласилась: нет ничего проще, чем найти в Кёльне интернет-кафе.

Одна дама из кемпинга одолжила нам велосипеды и показала дорогу, уверяя нас, что это недалеко. Между тем мы ехали вдоль реки больше часа, время от времени останавливаясь по требованию мамы, чтобы любоваться живописными берегами. А то не видно было, как мама устала: она стала красной, как ее футболка, и дышала как пылесос. Мы же с Лили нарочно старались крутить педалями как можно быстрее, это нас забавляло.

На стоянке мы пристегнули велосипеды и бродили без всякого плана, пока не стемнело. В городе зажглась иллюминация, и это выглядело очень красиво. До ужина было еще далеко, и мы купили себе по кренделю, чтобы кое-как продержаться. Лили настояла, чтобы ей купили бутылку воды,

но как только получила, отказалась наотрез ее открывать, сообщив, что сохранит на память. Мама очень удивилась, а Лили подняла плечи, будто логика для нас была делом неведомым, и выдала реплику:

– Да ведь это же одеколон!²⁰

По крайней мере, хоть моя сестра не изменилась.

Перед собором, который мама непременно собиралась посетить, чтобы узнать количество ступенек его лестницы, находился мост причудливой формы: мост Гогенцоллернов. Казалось, сверху на него опустили три громадные арки. Люди шли по нему пешком, так что и мы поступили так же и вдруг увидели, что он сплошь покрыт тысячью висячих замочков, якобы подвешенных влюбленными. Мама предложила прибавить к ним еще один, с инициалами всех троих, чтобы и от нас осталась частичка на этом мосту в память о нашем путешествии.

Лили вытаращила на нас глаза:

– Ну и молодцы! Хотите, чтобы вся рыба в реке передохла? Не забывайте, что ключ от замка принято выбрасывать в воду. Или что, думаете, желудок рыбы способен переварить металл?

Я одобрила ее соображение. Но мы ведь можем просто оставить ключ у себя, избавив рыб от гибели, а Лили от ее

²⁰ По-французски *eau de Cologne* буквально означает «кёльнская вода». Так зывались духи, созданные в начале XVIII в. итальянским парфюмером Йоганном Фариной, основавшим в Кёльне мануфактуру. Отсюда и русское слово «одеколон».

терзаний.

Торговец продавал замки только парами, по две штуки сразу. Маркером, позаимствованным у одной пары англичан, на первом мы написали наши инициалы, а на втором я сделала надпись «Ты + я». Это должно было сработать с кем угодно.

Возвращение на велосипедах стало худшей частью нашей прогулки. Уж не знаю, кто изобрел сиденья, но он явно тогда пребывал в плохом настроении. Мы в полуживом состоянии наконец добрались до трейлера. Быстро перекусив макаронами, мы с Лили завалились в кровать, а мама улеглась на запасное спальное место – банкетку. Мне пришлось долго ждать, пока мама начала дышать ровно. Она уснула. Медленно, стараясь не издавать ни малейшего шума, я выбралась из постели.

Анна

Уснула я далеко не сразу. Матрас банкетки оказался тонким и жестким, а мое тело отнюдь не обладает этими качествами, следовательно, кто-то из нас двоих должен был страдать. И вдруг чье-то горячее дыхание на моей щеке вырвало меня из полусна. Я открыла глаза, но лицо находилось слишком близко к моему, чтобы я могла его разглядеть.

Тогда я закричала. Лицо тоже закричало. Потом и Лили закричала.

Лицо мгновенно отскочило назад, и тут, в тусклом свете, я узнала свою дочь.

– Хлоя, что ты делаешь?

– Ничего, я пришла тебя обнять перед сном, – пробормотала она, пряча руку за спину.

– Что у тебя в руке?

– Ничего.

Я заглянула под подушку: там ничего не было.

– Дай-ка мне телефон!

– Но, мама...

– Немедленно отдай мой телефон, Хлоя! И если ты снова попытаешься забрать его у меня, ты его уже никогда не получишь.

С явной неохотой она все же выпустила свою добычу и вернулась к себе в кровать. Не успев опять закрыть глаза,

я слышала, как Лили ей прошептала:

– Ты и правда считаешь, что она тупее паровоза?

Остаток ночи прошел без инцидентов.

В семь утра нас разбудил страшный холод. Вчера, после долгой езды на велосипеде, мы хорошенько разогрелись, и я не подумала, что стоило включить отопление. Сегодняшним утром собственное тело мне показалось чужим от неудобного сна и мурашек на коже.

Я установила прямо на солнце стол и стулья. Девочки вылезли из-под одеял, только когда я уже накрыла завтрак. Мы вместе поели, молча, любуясь Рейном. Солнце отражалось в воде и согревало наши продрогшие тела, и привычный вкус кофе меня успокоил. Впервые, с тех пор как мы отправились в незапланированное путешествие, я подумала, что, возможно, это правильное решение.

Как знать, если бы я над этим раздумывала, я наверняка изменила бы его. Я по природе не авантюрна, мне не нравятся экспромты, мне всегда нужно все предусмотреть, организовать. Неизвестность меня пугает, отсутствие контроля над чем-либо приводит в ужас. Самое лучшее для меня – заключить себя в капсулу привычной обстановки, знакомых мест, людей и дорог. Я постоянно отказываюсь от всего, что выходит за рамки этого периметра. Так, я отказалась от свадьбы двоюродного брата на другом конце Франции, вечеринки в незнакомом ресторане, встречи в отдаленном районе Тулузы, а уж о поездке за границу и говорить не стоит.

И я всегда находила подходящие предлоги: я занята в этот день, я очень устала, дочери уже давно меня не видели, да и Франция так прекрасна, что нет нужды куда-либо ехать. Все в это верили: я домоседка, тяжелая на подъем, состарившаяся раньше времени. Я порой тоже стараюсь убедить себя, что это именно так, но в глубине души знаю, в чем заключена истинная причина.

Мне было восемнадцать, когда у меня случилась первая паническая атака. Я вела машину ночью, по кольцевой автодороге, возвращаясь после вечеринки с друзьями. Внезапно я стала ехать медленнее, а потом и вовсе остановилась. И тогда я почувствовала дрожь в пальцах. Меня словно обдало жаром изнутри. Я начала задыхаться. Открыв окно, я включила радио. Зубы мои оказались плотно стиснуты, а сердце принялось так сильно биться, что мне показалось, будто оно сейчас остановится. Мне стало трудно дышать, голова кружилась. Я кое-как выбралась на полосу аварийной остановки, не понимая, что со мной происходит, уверенная, что я сейчас здесь умру, вот так, в полном одиночестве. Я разложила сиденье и легла, закрыв глаза, надеясь, что мне не будет уж очень больно. Вокруг меня все словно покрылось пеленой, словно все происходило во сне. Я дрожала всем телом, я даже не замечала мчавшихся машин, а слышала только свое сердце. Длилось это несколько минут, показавшихся мне бесконечностью. Постепенно сердечный ритм стал замедляться, дыхание выровнялось, тело расслабилось. Меня

сильно зазнобило. Я не стала ничего ждать, опять села за руль и продолжила путь. Когда я вернулась, отец с Жанеттой уже спали, я прошла в свою комнату и тоже легла.

Ночью все повторилось. В последующие дни тоже.

Врач отправил меня к психиатру, который диагностировал у меня панические атаки с элементами агорафобии. Он мне прописал лекарства, которые я принимала несколько месяцев, а также назначил сеансы поведенческой и когнитивной терапии. Я должна была научиться противостоять своим страхам, освоившись с ними и став менее чувствительной. Я выдержала лишь три сеанса. Когда я сказала психиатру, что отказываюсь от терапии, он признал, что действия, когда паническая атака провоцируется, часто бывают очень болезненными для пациентов. Так оно и оказалось в моем случае. Но еще ббольшую роль сыграла боязнь окончательно лишиться себя надежды на излечение. Мне хотелось оставить «про запас» информацию о том, что действенная методика существует, на случай, если болезнь меня накроет уж совсем нестерпимо. А если я пройду все сеансы сейчас, и она не подействует, у меня не останется никакого спасательного круга.

Так что, оставаясь замкнутой в своей капсуле, я просто сводила к минимуму риски. Я вращалась исключительно среди знакомых людей, бывала только в привычных местах, ездила по определенным дорогам. Вплоть до последнего решения. Вот об этом-то я как раз и не подумала. Я вообще

не подумала о себе. Дочерям требовался свежий воздух, и я прорвала свой кокон.

Лили

5 апреля

Дорогой Марсель!

Надеюсь, у тебя все хорошо, у меня тоже, только я очень хочу спать, но не могу – пришла моя смена. Сейчас четыре часа утра или около этого, хотелось бы писать в хороших условиях, но мама и сестра рычат, что свет мешает им спать. Тогда я прицепила к голове карманный фонарик, обмотав ее скотчем, и спряталась под одеяло рядом с Хлоей. Мне нельзя резко двигать головой, иначе я не вижу того, что пишу, но в целом все в норме.

Ты только представь, мы – в Гамбурге, а это в Германии. Мама отыскала стоянку трейлеров, как раз напротив порта, и мы прошлись по городу, на этот раз пешком. Ну и здорово же было! Мы увидели большое озеро с лебедями, пакгаузы возле самой воды, большие суда и дома, каких я нигде раньше не видела, я нашла прелестный камешек – он станет отличным сувениром, но затем начался дождь, и нам пришлось вернуться.

Мама решила опорожнить туалет, но это ей не удалось. Все смотрели на нее и Хлою через окна фургонов, затыкали

носы, и некоторые даже отпускали в наш адрес грубости.

Какой-то мужчина из соседнего кемпинга пришел ей помочь, но она не согласилась, мне кажется, ей было стыдно, вот почему, ну ты меня просто удивляешь, Марсель! В конце концов, он все-таки ее уговорил, а после ей пришлось пойти выпить с ним аперитив в знак благодарности, потому что, честно говоря, он вытащил из ноги каждого из нас по огромной занозе.

В соседнем кемпинге обосновалась целая группа французов, путешествующих вместе, и он был их организатором. Как выяснилось, звали его Жюльен. У него, как оказалось, есть сын примерно моего возраста – Ной. Я попробовала поговорить с ним, но он мне не ответил, а продолжал раскачиваться во все стороны. Отец его сказал, что он не говорит, и ему нужно время, чтобы привыкнуть к незнакомым людям. Еще там был песик по имени Жан-Леон, милый-премилый, я с ним поиграла.

Ну а потом мы легли спать. Не знаю, сколько я проспала, только разбудил меня чей-то шепот. Он доносился снаружи, ведь через стены трейлеров слышно буквально все, словно и стен-то нет никаких. Потом послышался скрип, словно кто-то царапался, а затем будто легкий шлепок – «блюмс» – о дверь. Тут мне впервые стало страшно, но я вспомнила передачу, в которой психотерапевт рассказывал, что страх подобен животному, его надо приручить. Тогда я велела своему страху убраться восвояси, и он меня послушался. Я по-

пробовала разбудить Хлою, но у нее всегда такой крепкий сон, как будто ее выключают из розетки. О маме и говорить нечего, у меня каждый раз впечатление, что она умирает по ночам, а утром воскресает из мертвых. Так что рассчитывать я могла только на себя, и вот я аккуратно перешагнула через Хлою, чтобы выбраться из постели, и в этот момент увидела, что дверь открыта и чей-то силуэт заходит внутрь. Я соскочила на пол, схватила первый предмет, попавшийся мне под руку, и бросилась на врага с громким криком «Банзай!», как в одном фильме, что я смотрела, изо всех сил ударяя по кастрюле этим предметом. Фигура неизвестного немедленно ретировалась, мама и Хлоя повскакали с постелей, как гренки из тостера, а через несколько минут к нам уже входил наш сосед Жюльен. Он объяснил, что трейлеры часто обкрадывали местные воришки, и для безопасности обязательно нужна сигнализация, именно поэтому они предпочитали путешествовать целой группой. Было решено, что остаток ночи мы станем дежурить по очереди, а завтра утром установим сигнализацию. Сейчас моя очередь, а я очень устала, и мне хочется спать, вот я и пишу, чтобы не уснуть (но только не думай, что я пишу тебе лишь по необходимости!).

Ну, пока, целую тебя, Марсель. Воспользуюсь-ка я моментом, пока все спят, чтобы позаботиться о моем секрете (не могу тебе открыть, в чем он состоит, потому что очень боюсь, как бы это не прочла мама). Спокойной ночи.

Лили

P.S.: Я попыталась снять скотч с головы, но волосы прилипли, и ужасно больно. Придется пока оставить как есть.

Хроники Хлои

У меня повышенная чувствительность, или гиперчувствительность. Мне сказала об этом лицейская медсестра, потому что я хлопнулась в обморок, порезав руку. Слова ее заполнили лакуну, послужили недостающим звеном в цепочке, все расставили на свои места. Это так и есть. Я действительно гиперчувствительная.

Позже мне поставили и другой диагноз – «личность, обладающая высоким потенциалом»: часто гиперчувствительность идет с этим качеством рука об руку. Часами я прорабатывала этот вопрос в Интернете, читала описания и свидетельства, и в результате оказалось, что я отвечаю всем характерным признакам.

Все, что я чувствую, сильно преувеличено. Я буквально набита эмоциями и переполнена чувствами.

Я часто плачу. Будь то печаль, радость или злость.

Я забываю о себе, думая в первую очередь о других.

Во мне так много сочувствия к другим, я настолько полно способна понять другого человека, что легко подпадаю под его влияние. Как следствие, мне трудно составить о чем-либо четкое мнение.

Я не люблю себя. Но это не имеет значения, пока другие меня любят.

Я постоянно осуждаю себя. Очень сурово.

Мой мозг никогда не отдыхает, мое воображение – боевая машина. Когда я смотрю фильм, когда пользуюсь чем-то, не могу отделаться от мысли, а что, интересно, в этот конкретный момент делают актеры, какова жизнь того, кто сделал ту или иную вещь, поскольку в ней осталась его частичка.

И потом: я постоянно начеку. Вздрагиваю, когда неожиданно сталкиваюсь с мамой в коридоре, вскрикиваю, если в ванную входит Лили, не постучавшись.

Когда я слышу о каком-нибудь происшествии, я всегда ставлю себя на место жертв. Переживаю так, будто все происходило со мной.

Однако я мыслю ясно. Даже слишком.

Но у этого есть и хорошая сторона.

Я – верная подруга, понимающая, не склонная к осуждению.

А если со мной плохо поступают, я быстро отхожу.

Я очень внимательна к милым пустячкам, с которыми мы встречаемся на каждом шагу, но не замечаем их.

Восторги мои часто преувеличены. Солнечный луч, аромат сирени, рождественская иллюминация порой наполняют меня приступами неподдельного счастья.

Маме всегда нравилось, что я такая восторженная. Она говорила, когда я была еще малышкой, наши поездки на машине всегда получались радостными и шумными.

Теперь я стала более закрытой, но огонь во мне горит по-прежнему. Так, когда после длительной поездки через лес,

потом короткой пешей прогулки, а затем подъема по высокой лестнице мы наконец вернулись, я не могла поступить иначе, кроме как послать к черту свою сдержанность.

– Ваааууу!

Перед нами раскинулось море, открыв взору тысячи восхитительных оттенков синего, а прямо возле нас возвышались огромные белые скалы, уходившие основанием в эту головокружительную синеву. Я никогда не видела ничего более прекрасного.

Мама объяснила, что это белые скалы Мёнс-Клинт²¹. Как давно я не видела на ее лице такой улыбки!

Мы были здесь не одни, скалами любовались и другие туристы, но я старалась полностью абстрагироваться от их голосов, чтобы слышать только мелодию птиц и воды. Ветер был довольно свежий, но с ним мужественно сражалось щедрое солнце. Я могла бы оставаться здесь долгие часы, подставив ему лицо и наслаждаясь его лаской.

Чуть позже мы спустились к морю, омывающему галечный пляж. Лили собрала с десятков серых камешков. Снизу скалы казались еще более величественными, и я почувствовала себя песчинкой, затерявшейся в необъятных просторах космоса.

К трейлеру мы вернулись в полной тишине, все слова ку-

²¹ Мёнс-Клинт – белые известняковые утесы, возвышающиеся на 128 м над уровнем моря, протянулись на расстоянии 6 км вдоль восточной оконечности острова Мён в Дании.

да-то улетучились. Мама села за руль, и пока мы долго ехали среди деревьев, я купалась в коконе блаженства. Вывел меня из этого состояния звонок. На телефон мамы пришло уведомление о переадресации сообщения. Кивнув в мою сторону, она разрешила его открыть. Сообщение оказалось от Кевина, булочника. «Привет, Хлоя, как ты? Давай поговорим у тебя сегодня?»»

А у вас бывают внезапные вспышки счастья, о которых я упомянула выше? Ну, так вот, у меня случилась именно такая. Десять минут я обдумывала ответ, потом написала эс-эмэску и отправила. Я всегда знала, он – хороший парень.

Анна

– Мама, ты читала Аполлинера?

Лили наблюдала за мной, ожидая ответа.

Проблема в том, что, если тебя внезапно о чем-то спрашивают, тебе сразу трудно призвать на помощь все твои знания о предмете.

Я и предположить не могла, какой непосильной задачей для меня станет наверстывание пропущенных девочками уроков.

Каждое утро, в течение двух часов, мы приступали к занятиям и упражнению. Хлоя не переставала ныть, что ей уж точно не удастся сдать все экзамены на бакалавриат, а Лили только играла с ручками, как с куклами.

Сегодня, хотя и пошел дождь, девочки все же пытались кое-как сосредоточиться на учебе. Хлоя если и засыпала, то всего несколько раз, на «Фальшивомонетчиках» Жида, а Лили не задавала своих дурацких вопросов, чтобы потянуть время.

– Читала, конечно, я немного его знаю, проходила в школе, – ответила я, подсаживаясь к ней.

– Он был слепым, не так ли?

– Почему ты так решила?

Она поднесла книгу к моим глазам и указала на строчку:

– У него говорится: «Пришло время вновь зажигать звез-

ды», но они ведь уже зажжены! По-моему, ему стоит сменить окулиста.

Хлоя вздохнула:

– На самом деле он говорит не о тех звездах, что в небесах. Лили подняла на нее округлившиеся глаза:

– Неужели? Разве есть звезды, которые находятся не на небесах? Странные вы все-таки, взрослые.

Я уже собиралась попытаться ей объяснить, но тут меня спас телефонный звонок.

– Алло?

– Госпожа Мулино? Добрый день, это госпожа Барьер из почтового банка. Полчаса назад у нас была назначена с вами встреча, я вас ждала...

Каждый раз, когда я чувствую себя виноватой, я превращаюсь в маленькую девочку.

– Черт! Простите, совсем вылетело из головы!

– Я так и подумала. Нам обязательно нужно увидеться, чтобы побеседовать о наших делах, завтра в одиннадцать у меня появится такая возможность.

– Меня не будет на месте, мы сможем поговорить об этом по телефону?

– Тогда в четверг, в два часа дня, вам подходит?

Хлоя уставилась на меня вопросительным взглядом. Не могла же я сказать правду моему банковскому консультанту, у которой на экране мое имя высвечивалось красным, что я позволила себе небольшое развлекательное путешествие.

Я влезла на кровать девочек, занавесила шторы и уменьшила громкость.

– Мне очень жаль, но я...

– Ладно, понимаю, – оборвала она меня. – Мы разыскиваем вас уже тридцать дней, а в этом месяце вам и вовсе не перечислена зарплата. Нужно найти какое-то решение, не так ли?

Я молча кивнула, словно сейчас мне было всего пять лет.

– Конечно, я найду решение. Я потеряла место, но буду получать пособие по безработице, пока снова не устроюсь. Что я и пытаюсь сейчас делать.

– Вы больше не работаете?

Для пятилетней я слишком много говорила.

– Не совсем так, но...

– Послушайте, учитывая вашу ситуацию, я обязана отключить все выплаты, поступающие к вам на счет, пока вы не получите постоянную работу. Вы же понимаете...

Я ее больше не слушала. Не знаю, на что я надеялась, уезжая. Как будто долги могли просто исчезнуть, оттого что я взяла да и отправилась неизвестно куда. Будто все мои заботы могли остаться там, где я их оставила. А ведь у меня была возможность оплатить все счета, до единого. Внезапно, сидя на тощем матрасе банкетки, закрытая в этом трейлере, под хлещущим дождем, я ощутила себя вне привычной капсулы, и мне стало не по себе. Что я наделала? Пульс начал учащаться, дыхание сделалось прерывистым, я принялась подсчитыва-

вать цветы на занавеске, но этого оказалось недостаточно, чтобы переключиться. Сейчас у меня было только одно желание: уехать, как можно скорее вернуться домой, вновь обрести опору.

– Хорошего дня, госпожа Мулино.

– Спасибо, и вам хорошего дня.

Я нажала «отбой» дрожащей рукой и легла на кровать, чтобы попытаться расслабиться. Короткий вдох. Долгий выдох. Короткий вдох. Долгий выдох. Тут я услышала какой-то металлический звук, доносившийся из-под кровати. Короткий вдох. Долгий выдох. Сердцебиение стало успокаиваться. Снова металлический шум под кроватью, уже сильнее. Не хватало только, чтобы с трейлером что-нибудь случилось.

Я встала на ноги, все еще ватные. Хлоя снова уснула, склонившись над книгой. Лили рисовала. Я прислонилась к кровати ухом, чтобы определить источник металлического звука. Вот он снова раздался. Я приподняла матрас, и доска с приделанной к ней ручкой открыла мне тайник, о котором я прежде не подозревала. Я открыла его, а дальше – провал, черная дыра.

Лили

8 апреля

Дорогой Марсель!

Мы в полном дерьме, мама обнаружила мой секрет. Кстати, у меня был очень надежный тайник, и Хлоя оказалась достойной соучастницей, но все пошло к черту. Помимо этого, мама так сильно испугалась, что упала в обморок, ударившись об угол кровати; в результате она рассекла себе губу надвое, словно по ней прошелся Моисей²². Мы оказались в копенгагенской больнице, где маме наложили пластырь на губу, а сверху еще надели повязку. Я бы, пожалуй, предпочла, чтобы ей склеили верхнюю губу с нижней, поскольку даже не хочу говорить тебе, какой я подверглась обструкции.

Мне пришлось объяснять, что это домашняя крыса, ничего не имеющая общего с теми, что рыщут по мусорным бакам, что она очень чистая и не причинит ей вреда. Она спросила, как мне удавалось так долго ее скрывать, и мне пришлось сказать, что я доставала ее, только когда она поворачивалась к нам спиной, и что крыса спала вместе с нами,

²² Речь идет об одной из самых известных историй Библии, когда Моисей заставил Красное море расступиться надвое и вывел еврейский народ, избавив его от египетского рабства.

в нашей постели, что маме особенно не понравилось.

Мама потребовала, чтобы я немедленно от нее избавилась, и тогда я выкрикнула, что если она это сделает, то только через мой труп, что и речи не может идти о том, чтобы я рассталась с Матиасом. Глаза у мамы округлились, как две монетки, и она спросила, правильно ли она поняла, что крыса названа именем моего отца, она была просто в шоке. Между тем это вполне логично. Разве не принято говорить, что крысы первыми бегут с корабля, верно?

Позже она согласилась, чтобы я оставила Матиаса, при условии, что я не стану его демонстрировать публично и он не будет ей попадаться на глаза. Взяв крысу на руки, я протянула ее маме и предложила погладить, но она зарычала на меня и сказала, что так я могу довести ее до того, что она передумает.

В общем, мы не так плохо выкрутились, верно, Марсель? Мне нравилось иметь секрет, но, признаюсь, я довольна, что могу теперь доставать клетку Матиаса из тайника и выпускать его на свободу гораздо чаще, чем раньше.

Кроме этого происшествия, мы еще очень неплохо погуляли в Копенгагене, было здорово, хотя частенько лил дождь как из ведра, но все же бывали и ясные дни. Когда я вырасту, я бы хотела обзавестись разноцветным домиком, каких здесь много. Хлое безумно захотелось в сады Тиволи, это на полпути между парком аттракционов и просто парком, но мама была против, потому что вход туда платный. Но в конце

концов она сказала: «А впрочем, не все ли равно», и мы там побывали. В голове мамы тоже мгновенно все меняется: то ливень, то ясно.

Как жаль, что ты этого не видел, Марсель, ты бы точно описался от восторга (что я говорю, нет, тебя бы раздуло вдвое). Мы катались на огромном колесе обозрения, потрясающая красота, но там, наверху, мама что-то уж слишком сильно побелела, она говорила, что с ней все хорошо, но было видно, что это далеко не так. Доказательство: она улеглась в нижней части люльки, приподняв ноги, и дышала так, словно только что вынырнула из глубины на поверхность. Даже для «большой восьмерки»²³ она предпочла остаться внизу, якобы чтобы сделать фотографии (которые, кстати, оказались размытыми).

Мы очень долго ходили, и у Хлои заболели ноги, додумалась же она надеть туфли на каблуках! Она даже уложила волосы плойкой, а потом рычала от злости, потому что почти сразу пошел дождь. Датчане очень рано ужинают, к шести часам рестораны полны, нам тоже захотелось есть, и мы купили каждой по два *smørrebrød* (это такой вид бутербродов с чем ни попадя, лично я взяла себе с сыром и рыбой), а потом мы вернулись в наш дом на колесах. Матиас очень обрадовался нашему приходу, уверена, что он вилял хвостиком. Неподалеку от нас ужинала группа все тех же французов, но

²³ Жилой комплекс на окраине Копенгагена, имеющий в плане форму восьмерки.

мы с ними есть не стали.

Мама оставила телефон на столе, и он всю мигал. Она сказала, что звонил отец, я сделала вид, что не услышала, а вот Хлоя захотела ему перезвонить, тогда я ушла в душ.

Сейчас я должна с тобой попрощаться, нужно выключать свет.

Тысяча поцелуев, мой Марсель.

Лили

P.S.: У меня совсем забита левая ноздря, но, когда я ложусь на правый бок, она снова начинает дышать. Тогда, наоборот, правая не дышит, ну прямо хоть спи сидя.

Хроники Хлои

*Прежде чем начать, я хочу сделать небольшое вступлени-
е для моих читателей. Я была рада прочитать все ваши
комментарии и убедиться, что вы с удовольствием следите
за моими приключениями.*

*И даже если некоторые слова могли бы мне показаться
обидными, я глубоко тронута тем, что столько людей меня
понимают и не осуждают.*

*Тем, кто хочет, чтобы я выложила свои фотографии,
отвечу, что этого не произойдет. Несколько человек меня
узнали, конечно, благодаря именам, которые я называла, но
в целом я предпочитаю, чтобы мой блог хотя бы в мини-
мальной степени оставался анонимным. Спасибо, что вы
со мной.*

Папа не звонил уже три недели. Поэтому я поговорила
с ним с особенной радостью, но все равно мне это кажется
очень странным. Сначала у меня было впечатление, что на
том конце провода незнакомец, потом я быстро привыкла
к его голосу, и мы могли бы проболтать с ним несколько ча-
сов. Каждый раз, когда приходится отключаться, у меня ком
стоит в горле. Мне его очень не хватает. Хотелось бы видеть-
ся с ним почаще, но это слишком сложно. Квартирка у него
совсем маленькая, ему приходится принимать нас у его мате-

ри, а это ее всегда сильно утомляет. Надеюсь, что когда-нибудь папа будет зарабатывать достаточно, чтобы обзавестись жильем, где мы сможем бывать, когда и сколько захотим.

Лили, как обычно, не соизволила с ним поговорить. У нее с папой проблемы, ведь она считает, что он нас бросил. Хотя и прекрасно знает, что мама с ним рассталась сама. Он уж точно предпочел бы остаться с нами. И я, конечно, тоже.

– Как у тебя дела, моя дорогая? – спросил он меня.

Мне нравится, когда он называет меня «дорогая». У меня всегда появляется желание ответить ему «мой обожаемый папочка», но я не осмеливаюсь.

Я рассказала ему о нашем путешествии, опустив причину; разумеется, не хватало только, чтобы и он читал мне мораль. Я зря опасалась, что это ему не понравится, напротив, он пришел в восторг и засыпал меня вопросами.

– Как здорово мама это придумала! – воскликнул он. – Нет ничего лучше путешествий, чтобы расширить пределы своей личности, это разовьет ваш ум, вы сразу повзрослеете.

Он ненадолго прервался, а потом прошептал:

– Ах, как бы я хотел быть с вами.

У меня снова появился ком в горле, но я не подала виду. Кстати, я заметила, что за нашим разговором следила мама, вот уже десять минут мывшая один и тот же стакан.

Я стараюсь больше не винить маму. Должно быть, у нее свои причины, чтобы оставить папу, возможно, она его разлюбила, может даже, она была с ним несчастлива. Но я виде-

ла тогда, как папа плакал, как жаловался мне, насколько он был несчастен. Мне никогда не забыть, как мы впервые решили поехать на выходные в Марсель шесть лет назад. К тому времени мы не виделись с ним уже несколько месяцев, ведь, когда он уехал, мы даже не смогли с ним попрощаться. Он ждал нас на перроне вокзала, и я его не сразу узнала. Его глаза погасли. Он прижал меня к себе так крепко, что мое сердце сжалось от боли. Я всем своим телом ощутила величину его горя. В ту минуту я ненавидела маму.

– Я вынужден попрощаться с тобой, дорогая, ты позовешь свою сестру?

– Лили сейчас в душе, но она передает тебе поцелуй.

Когда я отключилась, прежде чем вернуть телефон маме, я посмотрела, нет ли ответа от Кевина. Сообщения не было.

Анна

– Мама, останови машину, пожалуйста, меня сейчас вырвет!

Лили только что произнесла эти слова изменившимся голосом. Мы как раз ехали по *Øresundsbron*²⁴, мосту, соединяющему Данию со Швецией, и в нашем распоряжении, чтобы сделать паузу, была лишь полоса аварийной остановки, недостаточно широкая, чтобы поставить трейлер.

– Потерпи немного, я внизу моста встану на аварийную полосу. Если не можешь больше терпеть, ступай в ванную!

Лили не ответила, зажимая себе рот обеими руками.

– Из-за тоннеля ей стало плохо, – проговорила Хлоя.

Та подтвердила кивком. Хлоя продолжила:

– Мама, ты ведешь машину как-то странно, все время держишь ногу, нажимая педаль акселератора, от этого и толчки, вот почему у нее с желудком неладит.

Новый кивок Лили.

Рассерженная, я по-прежнему не убрала ногу с педали, пока мы не проехали мост до конца. Миновав ограждение безопасности, я затормозила и припарковалась на обочине. Лили открыла дверь, выпрыгнула на землю и побежала к за-

²⁴ Эресуннский мост (дат. *Øresundsbroen*) – мост-тоннель через пролив Эресунн. Это самая длинная совмещенная дорога и железнодорожный мост в Европе, соединяющие столицу Дании Копенгаген и шведский город Мальмё.

рослям травы. Я выключила зажигание и пошла следом за ней.

Через несколько минут, надышавшись свежим шведским воздухом, дочь обрела свой обычный голос.

– Скажи, мама, когда ты сдавала на права, педалей что, еще не существовало?

Теперь мне стало ясно, что ей точно лучше.

Мы с ней вернулись к нашему дому на колесах, чтобы продолжить путь. Хлюю нашли все на том же месте, она пристально смотрела куда-то вдаль.

Без сомнения, она еще не отошла от вчерашнего разговора с отцом.

Не успели мы проехать и полукилометра, как фургон снова подскочил. В едином порыве девочки обернулись ко мне.

– Да не отпускала я педаль!

Через несколько секунд автомобиль начал «покашливать». Лили тоненько завывала. Я уже сама начала сомневаться в способностях моей правой ноги, но тут трейлер резко сбавил ход. Мне только и хватило времени, чтобы свернуть на обочину, и он остановился как вкопанный.

– Что происходит? – спросила Лили.

– А ты как думаешь? – насмешливо произнесла Хлюя.

– Заткнись, тебя никто не спрашивал!

– Не смей так со мной разговаривать, маленькая идиотка!

– От идиотки слышу.

– Нет, это ты идиотка!

– Хватит, девочки! – вмешалась я, в третий раз пытаюсь сдвинуться с места. – Никаких идиоток здесь нет.

– Как это нет? Лили явно не в себе, – съязвила Хлоя.

– Это ты как раз не в себе, – не сдавалась Лили.

– Нет, ты!

Я повернулась к двум фуриям:

– Если немедленно не прекратите, я вас высажу и уеду одна.

Хлоя удивленно приподняла брови:

– И как, интересно, толкая трейлер сзади?

Сестра захихикала. Не обращая на них внимания, я делаю четвертую попытку отчалить.

Стартер работал, но автомобиль решительно не хотел заводиться. Итак, переругиваясь, мы стояли в сломанном трейлере на обочине шведской дороги без каких-либо указателей, говорящих о нахождении поблизости какого-нибудь города.

Я пыталась справиться с дыханием, чтобы сохранить ясность мыслей.

– Попробуй позвонить дедушке! – предложила Лили. – Может, он знает, почему не работает двигатель.

Хорошая идея. Я взяла телефон и стала звонить своему отцу.

Звонок. Два звонка. Три. Четыре.

«Вас приветствует автоответчик Папули и Куколки! После сигнала оставьте нам сообщение, мы вам перезвоним...

или не перезвоним!»»

Два голоса смолкли, пришла моя очередь говорить. Но я отключилась.

Несколько минут, между двумя попытками тронуться с места, я размышляла, как нам отсюда выбраться.

Хлюя подала мысль:

– А у тебя нет номера Жюльена?

– Какого Жюльена?

– Ну, того, старшего группы, с которой мы трижды пересекались в пути. Может, они где-нибудь недалеко отсюда, ведь вчера еще мы их видели. Так у тебя нет его 06?²⁵

– Нет, он мне дал, но ведь неудобно просить его приехать, чтобы вызволить меня из аварии.

– Значит, ты предпочитаешь, чтобы мы оставались здесь до конца дней и в итоге стали добычей шведских медведей?! – воскликнула Лили. – Ты этого хочешь?

²⁵ По-французски «спросить его (ее) 06» означает «спросить номер мобильного телефона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.